

Спасти нельзя развестись

Автор:

Екатерина Серебрякова

Спасти нельзя развестись

Екатерина Серебрякова

Спасти/развестись #2

У нас был семейный бизнес и репутация идеальной семьи, пока жизнь не перевернулась с ног на голову. Мой муж завел молодую любовницу, а я закрутила роман с его главным конкурентом. Но теперь нам предстоит вернуться к тому, с чего начинали, ведь я беременна. Но чей это ребенок? И удастся ли мне играть роль любящей жены, когда в памяти все еще свежи воспоминания о мужчине, который подарил мне настоящее счастье?

Екатерина Серебрякова

Спасти нельзя развестись

Глава 1

После встречи с Кириллом, которая продлилась не больше минуты, я почти час просидела в машине на безлюдной парковке в центре города, умываясь слезами.

Во дворе старой хрущевки не было ни души. Только один мальчишка лет пяти играл в догонялки сам с собой и нет-нет, да заглядывал в окна моей машины.

В эти моменты я улыбалась сквозь слезы, клала руку на еще не округлившийся живот и начинала рыдать еще сильнее.

Нельзя было так поступать с собой, со своим организмом, с малышом, но я не могла сделать ничего с накрывающими меня эмоциями.

Я чувствовала себя бессильной.

Маленькое существо во мне едва ли еще умело дышать, но я уже любила его всем сердцем. Моей святой обязанностью было сделать все для этого ребенка, подарить ему счастье и возможность расти в этой семье.

Ради малыша я была готова отказаться от работы, от карьеры, бросить все и приложить максимум усилий, чтобы он был счастлив.

Но как же трудно было сделать этот выбор.

Еще сегодня утром я думала о другой жизни. Я грезилась мыслями о скором свободе и разводе. Я хотела встретиться с Кириллом, обнять его, поцеловать и, чем черт не шутит, допускала мысли о нашем совместном будущем.

А что сейчас? Я собственноручно отказалась от того, что должно было принести мне счастье, и согласилась вернуться туда, где считала себя несчастной.

– Всё для тебя, Малыш, – шептала я, стирая слезы со щек. – Мамочка будет счастлива, если ты будешь счастлив. Я люблю твоего папу. Мы очень любим друг друга. За десять лет было столько всего, что сейчас мы вспоминаем с улыбкой. Когда-нибудь будем вспоминать и это.

Шумно выдохнув, я приняла несколько таблеток легкого успокоительного, предварительно убедившись, что оно безвредно для малыша.

Внутри все клокотало от одной только мысли о том, что мне придется позвонить Борису, назначить с ним встречу и сказать правду. Мы же на днях подали заявление на развод... Как глупо.

– Борь, здравствуй, – после трех мучительно долгих гудков мужчина поднял трубку. – Я тебя не отвлекаю?

– Оля? Нет, нет, конечно. Что-то случилось? У тебя встревоженный голос.

Невольно я улынулась, до боли прикусывая нижнюю губу.

Все-таки этот человек был мне родным. За десять лет по голосу он научился различать мое настроение, а по глазам читать то, что скрыто глубоко внутри.

– Все в порядке, не волнуйся. Я бы хотела встретиться и поговорить. Только лучше сделать это наедине.

– Наедине? Да, хорошо, – в трубке на фоне слышался шелест бумаг, а затем размеренные шаги мужских ботинок по паркету. – Куда мне подъехать?

– Давай встретимся в моей квартире через час?

– Договорились, я буду.

Кивнув, как будто мужчина мог это видеть, я сбросила вызов и убрала телефон в сумочку.

Я нарочно назначила встречу на другом конце города в надежде, что за час езды немного выдохну и отвлекусь от пожирающих изнутри мыслей.

Помимо общего дома, где сейчас я жила с Галиной Яковлевной, у нас с Борисом имелась и своя недвижимость. У меня двухкомнатная квартира в спальном районе, купленная еще до брака, и просторная студия в центре, которая сейчас проставила за неимением квартиросъемщиков.

У Бориса тоже были свои апартаменты, но он предпочитал сдавать их. Поэтому и жил на съемной квартире после того, как съехал из дома.

В квартире я не была давно. Сдачей в аренду жилплощади занимались риэлторы, я лишь подписывала договоры, которые мне привозили.

Так что сейчас было приятно прогуляться по собственным квадратным метрам с теплой ностальгией на душе.

– Если захочешь, это будет твоя квартира, – говорила я вслух, наглаживая живот. – Мамочка купила её после одного очень удачного проекта. Но тебя я куплю еще хоть десять таких.

Я остановилась у панорамного окна, вид из которого открывался на Патриарший пруд. На лице невольно появилась улыбка.

Лет семь назад я точно так же стояла у этого окна и смотрела на пруд. Тогда со спины меня обнимал Борис. Мужчина рассказывал как здорово бы нам жилось в этой квартире и как бы мы гуляли по вечерам в парке.

Тогда мы не были так богаты и жили не в доме, а в двухкомнатной квартире в нескольких кварталах отсюда.

Мы были молоды, но не наивны, нет. Однако мы совсем иначе смотрели на многие вещи.

Прошло столько лет, у нас появился свой дом, машины, деньги на путешествия по миру. Но мы так и не погуляли вечером по этому парку ни разу...

– Оля, ты чего не закрываешься? – в коридоре хлопнула входная дверь, и я поспешила оторваться от созерцания вида из окна.

Борис прошел внутрь квартиры, растерянно оглядываясь по сторонам, как будто ожидая увидеть здесь кого-то еще.

– Мы одни, – заверила я. – Проходи в комнату.

– Ты хотела обсудить что-то?

Мы устроились на черном кожаном диване в паре метров друг от друга. Мужчина смотрел точно на меня, а я никак не могла найти, за что бы зацепить взгляд. Глупо метала его по комнате от одного предмета к другому.

– Я буду прямолинейной, Борь. Только выслушай меня до конца, хорошо?

– Конечно, – мужчина кивнул и стал еще более сосредоточенным.

– Я готова дать еще один шанс нашей семье.

Горло перехватило льдом. Слова дались так тяжело, что мне понадобилась передышка в несколько секунд, чтобы продолжить.

– Мы можем попробовать жить как раньше: вместе строить бизнес, вместе принимать решения, вместе заниматься бытом. Заберем заявление о разводе и забудем об этом месяце как о страшном сне. Только есть одно «но», Борь.

Мужчина не произнес ни слова. Только смотрел на меня широко распахнутыми глазами и ждал что я скажу дальше.

– Я беременна, – произнесла тихо, опуская взгляд в пол.

Секунда звенящей тишины.

Казалось, что в квартире было слышно только как бешено бьются сердца у нас в груди. Их стук эхом отражался от стен и больно ударялся о голову, давя и наседавая.

– Беременна, – повторил за мной мужчина, как будто не веря. – Это его ребёнок?

Я подняла на мужа глаза, в которых стояли слёзы, и отрицательно мотнула головой.

– Я не знаю.

Сил говорить почти не осталось. Я едва сдерживала себя, чтобы снова не расплакаться на глазах у Бориса.

Его реакция стала болезненным ударом, к которому я была не готова.

Чего только ожидала, дура? Думала, что он будет рад, стоит мне заговорить о ребенке?

– Я только от врача. Знаю, что беременна. Сдам анализы, сделаю УЗИ, тогда узнаю срок. Но скорее всего ребенок от тебя, – как будто оправдываясь, добавила я. – Мы не использовали защиту, ты сам знаешь, а Кирилл всегда предохранялся.

От упоминания о Корневе в таком контексте Бориса буквально передернуло.

Он поднялся с дивана и нервно пересек комнату, почесывая двухдневную щетину тыльной стороной ладони.

Сейчас он выглядел так, будто обдумывает условия подписания важного контракта. Во взгляде сталь, расчет и никаких человеческих эмоций.

Но я понимала реакцию мужчины. Мы подали заявление на развод, я пресекла все его попытки вернуть семью, а сейчас заявила с новостью о беременности непонятно от кого и желанием начать все с чистого листа.

– Конечно, ребенок должен быть мой. Мы спали с тобой месяц назад и не предохранялись тогда. Это могло случиться, да.

– Я не знаю. Пока не сдам анализы, не знаю точно.

– Милая, – мужчина опустился на диван рядом со мной и обнял со спины, положив руку на живот. – Не волнуйся на этот счет, хорошо? Я реагирую так, потому что очень удивлен, обескуражен! Мы не планировали, ты ведь знаешь... Но это не значит, что я не рад!

– А ты рад? – я подняла заплаканные глаза на Бориса, и он расплылся в доброй улыбке.

– Дуреха моя, ну, конечно, я рад. Я так люблю тебя! И люблю этого Малыша. Это наш с тобой ребенок, мы его вырастим и воспитаем.

– А если окажется, что отец не ты?

– Если так получится, через пару лет сделаем с тобой еще одного ребеночка, нашего. Но и этого я буду любить как своего, несмотря ни на что. Поняла?

Я закивала, размазывая слезы по щекам.

Борис любовно гладил мой плоский живот и, улыбаясь, что-то нашептывал в него.

В тот момент на душе стало легче. Как будто ушел груз.

Я расслабленно выдохнула и откинулась на спинку кожаного дивана, позволив мужчине обнять себя.

Касания Бориса вызывали смешанные чувства. С одной стороны, это было что-то родное, до боли знакомое, ассоциирующееся со стабильностью и спокойствием. А с другой, я не могла переключиться и смириться с мыслью, что меня снова обнимают его руки.

– Мы со всем справимся, Оль. Все преодолеем. Очень скоро ты забудешь, что этот месяц вообще был в нашей жизни, я обещаю тебе это.

– Я верю тебе. И очень тебя люблю.

– Я тоже люблю тебя, – мужчина осторожно коснулся моих губ едва ощутимым поцелуем, и в тот же момент я почувствовала непреодолимую тошноту.

Сорвавшись с места, я побежала в ванную.

Только через десять минут на подкашивающихся ногах я смогла вернуться в комнату.

Желудок выворачивало от боли, и голова шла кругом, как будто я целый час каталась на карусели.

– Ты в порядке? Что это было?

– Видимо, токсикоз, – сказала я, опускаясь на диван и придерживая живот, чтобы не дай бог снова не потревожить ребенка. – Или съела что-то не то, или какой-то запах... Я не знаю. Это первый раз.

– Все будет в порядке, обещаю. Будешь наблюдаться у лучших врачей, чтобы беременность прошла легко и спокойно. Я обо всем позабочусь, хорошо?

Я только несмело кивнула, потому что сил не было даже ответить. Да мне глаза открывать было страшно. Боялась, что увижу что-нибудь, что может вызвать приступ тошноты.

– Ты не представляешь как я счастлив. Очень рад, что все наладилось. Поедем домой, обрадуем маму?

– Борь, стой, нет, – я схватила мужчину за рукав пиджака, чтобы остановить. Он обескураженно уставился в мои глаза, полные испуга. – Не нужно пока никому говорить о ребенке.

Я не планировала скрывать свою беременность. Наоборот была бы рада поделиться новостью с Галиной Яковлевной, но меня бросало в холодный пот от мысли, что информация может дойти до Кирилла.

Я пока не думала, что буду делать, если окажется, что ребенок от него. В сознании теплилась мысль, что забеременела я от мужа, будучи в браке. С большей долей вероятности это действительно так.

В таком случае нет смысла зазря тревожить общественность, Корнева. Убежусь, что ребенок от Бориса, подожду некоторое время и потом заявлю о своей беременности.

Не хочу в прессе грязных слухов о том, что Миролюбова забеременела в период разлада с мужем.

– Пока будем знать только ты и я, хорошо? Мне нужно свыкнуться с этой новостью, осознать. А потом обязательно всем расскажем.

– Все как ты хочешь, Родная. Но маме все равно нужно сказать, что мы помирились. В конце концов, ей стоит подыскивать отдельное жилье, чтобы не мешать молодым.

Борис снова попытался приблизиться, чтобы поцеловать меня, но я выставила руку ладонью вперед, стоило только ощутить запах его духов.

Тошнота снова накатила с новой силой, и я едва удержалась, чтобы не рвануть в ванную.

– Да, поедem домой, поговорим с Галиной Яковлевной.

Хотя, наверное, мне снова стоит называть ее мамой...

Пока мы ехали домой (как странно снова ехать туда вдвоем), Борис что-то рассказывал о проектах компании, но я едва ли слушала его. Только кивала невпопад.

Все мои мысли крутились вокруг свекрови, которая снова стала ей официально и полноправно.

За этот месяц я очень сблизилась с Галиной Яковлевной. Мы делились друг с другом секретами, давали советы, плакались вместе и решали наши проблемы.

Я понимала ее как женщина, ее ситуацию, ее чувства сейчас. И как же мне выгнать ее из дома?

Без сомнений она обрадуется нашему с Борисом примирению. Несмотря на все слова, сказанные ею, она ждала этого воссоединения.

Но каково ей будет жить одной? Мы не сможем оставить ее в доме на все время бракоразводного процесса.

А в одиночку переживать этот период не так-то просто, это я знаю по себе...

– Мне кажется, мама будет очень рада.

– Угу... Ей нужно подыскать дом рядом или квартиру недалеко от офиса, чтобы я могла с ней почаще видеться. И вообще она может пожить еще некоторое время с нами.

– Родная, – остановившись у ворот дома, Борис перекинулся через подлокотник, чтобы быть ближе ко мне. Но я отпрянула от него, стоило почувствовать назойливый запах. – Тебе сейчас нужно беспокоиться не о моей маме, а о нашем ребенке. Помнишь? Она взрослая женщина, поверь мне, со всем справится и глазом не моргнет.

Я не стала спорить.

Борис видел в своей матери сильную личность, уверенную в себе женщину. Как и во мне. И только мы с ней знали, какими уязвимыми можем быть...

Сердце бешено стучало, пока мы шли от ворот до дверей дома.

Борис крепко сжимал мою руку в своей, подушечкой большого пальца водил по ладони. Обычно этот жест умилял меня и успокаивал.

Муж всегда делал так на важных мероприятиях, когда мы стояли рядом. Пресса удивлялась сколько нежности в нашей паре, несмотря на то, что в браке мы уже десять лет.

– Оленька, а ты чего так рано? Я не ждала тебя раньше ужина. Боря?

Из гостиной в прихожую вышла Галина Яковлевна в домашнем махровом халате.

Увидев сына, она даже несколько смутилась и поспешила поправить волосы, не уложенные в привычную прическу.

– Что здесь происходит?..

– Мама, у нас с Олей для тебя хорошие новости, – сияя ярче софитов, Борис перевел взгляд на меня, улыбнулся и наконец сказал: – Мы помирились. Развода не будет.

– Боже мой! – женщина всплеснула руками и схватилась за сердце.

За считанные секунды на ее лице отразилась палитра эмоций: радость, удивление, смятение.

Она смотрела на нас, распахнув глаза, и отрицательно мотала головой, будто не веря.

– Скажи хоть что-нибудь. Ты как будто не рада!

– Не говори ерунды, сынок! Рада, конечно, рада! Как же я за вас рада, – наконец, отойдя от первого шока, Галина Яковлевна шагнула к нам и крепко обняла.

Я успела увидеть, что на ее ресницах блеснули слезинки. Вот только что-то смутило меня. Были ли это слезы радости?

– Семья это святое. А вы такая хорошая семья, дети мои! Боже мой! Такие новости, а я даже не накрашена! Нужно сейчас же заказать ужин!

– Мамуль, не суетись, – Борис взял мать за руку и любовно приобнял, целуя в макушку. – Я сейчас поеду за вещами, Оля останется дома. Вы решите что заказать, хорошо? Посидим в семейном кругу, отметим.

– Я пойду переоденусь, – сказав только это, я протиснулась между Борисом и стеной и пошла на второй этаж в комнату.

Еще несколько минут, сидя на кровати, я слышала как мой муж разговаривает со своей матерью. Я не слышала предмета разговора, лишь какие-то отголоски фраз.

Хлопнула входная дверь, выводя меня из забвения.

Я поспешила встать и подошла к шкафу, чтобы в конце концов переодеться в домашнее.

На лестнице ожидаемо послышались шаги Галины Яковлевны. Я не была готова к разговору с ней, поэтому до боли закусил губу в попытках прийти в себя, чтобы не выдать истинных эмоций.

Свекровь появилась в дверях, но не говорила ни слова. Я стояла спиной, однако чувствовала ее прожигающий взгляд прямо между лопаток.

– Вы что-то хотели? – набравшись смелости, я наконец развернулась и улыбнулась как ни в чем не бывало.

Галина Яковлевна по-прежнему молчала. Руки женщины были скрещены на груди в недружественном жесте, но в конце концов она расцепила замок, устало выдохнула и прошла в комнату, чтобы опуститься на кровать.

Без слов она сказала мне сесть рядом, и я подчинилась.

– Оль, я тебе не родная мама, понимаю. Просто хочу, чтобы ты знала, что ты для меня как дочь. И что бы ни случилось, я бы всегда считала тебя дочерью.

– К чему Вы это? Не понимаю.

– К тому, что дочери не лгут матерям в лицо, – я подняла глаза на Галину Яковлевну, но тут же что есть силы зажмурила их.

Она бы поняла, она бы все поняла и раскусила меня, стоило бы нашим взглядом пересечься. Я не могла этого допустить.

– О какой лжи идет речь? Мы с Борисом сказали Вам о примирении сразу после нашего с ним разговора. Я не врала Вам.

– Дура ты, Оля. Сорок лет скоро, а ума так и не нажила.

Галина Яковлевна поднялась с кровати и собиралась уходить из комнаты, но я не смогла не остановить ее.

– Почему Вы так говорите? Вы не рады, что мы с Борисом снова вместе?

В глазах снова застыли слезы. Все шло как будто против меня.

Мне было невыносимо тяжело переживать те эмоции, которые сейчас бушевали внутри. И больше всего на свете я ждала поддержки от близких людей, но уже второй раз не получала желаемой реакции.

Я так надеялась, что Галина Яковлевна обрадуется, и ее счастье хоть на мгновение перекроет то ужасное чувство, которое бушует у меня в груди.

– Я была бы рада за вас, Оля, если бы ты смотрела на меня сейчас такими же счастливыми глазами, какими смотрела несколько дней назад.

Больше ничего не говоря, женщина покинула комнату. Но ее шаги остановились в метре от двери. Она хотела сказать что-то еще.

– Ты моя дочка, Оль. И я поддержу и выслушаю тебя, что бы ни случилось. Помни об этом всегда, пожалуйста.

Теперь Галина Яковлевна спустилась на первый этаж, а я осталась в небольшой гостевой комнате, где прикрыла дверь и позволила себе сползти вниз по стене, умываясь горькими слезами.

Я не думала в тот вечер ни о чем. Только о ребенке, который был внутри меня и переживал сейчас не меньше моего.

Только ради него я заставила себя умыться ледяной водой, натянуть притворную улыбку и спуститься на первый этаж, когда хлопнула входная дверь.

Борис вернулся с несколькими сумками вещей, которые месяц назад забирал из этого дома со своей любовницей.

– Я и курьера по пути перехватил. Мамуль, накроешь на стол? – Галина Яковлевна забрала пакеты с едой и оставила нас, уйдя на кухню. – Я отнесу вещи в спальню и вернусь, хорошо?

– В спальне сейчас живет твоя мама.

– Мы переместим ее с вещами в гостевую. Думаю, она не будет против. К тому же я попросил знакомого агента, ей уже подыскали отличную квартиру.

С сожалением кивнув, я наблюдала, как мой муж поднимает свои вещи на второй этаж.

Это должно было радовать меня, но сердце почему-то разрывалось на кусочки.

Перед глазами плыла черно-белая картинка как в замедленной съемке. Сознание будто нарочно накладывало на нее приторно-тоскливую музыку, и получалась слезливая кинолента моей нынешней жизни.

Борис клал свои футболки на полки, убирал костюмы в шкаф, менял местами порядок вещей, который я завела за месяц его отсутствия.

Казалось, что все возвращалось к привычному состоянию, но на моих глазах рушилась реальность. Реальность, в которой некоторое время я была счастлива.

- Сменишь постельное? Или, если тебе тяжело, я могу сменить.

- Нет, нет, - я отбросила с кровати покрывало и взялась снимать наволочки с подушек. - Я же беременная, а не больная.

- Ты беременная, значит мне нужно заботиться о тебе в два раза больше.

Борис снова попытался обнять меня и поцеловать, но я отпрянула от него так резко, что упала на кровать лишь бы не ощущать прикосновение его губ.

- Твои духи, - сказала, прикрывая рот ладонью.

- Да, да, прости. Я приму душ.

Мне пришлось нарочно долго менять постельное белье. Перспектива оставаться один на один в столовой с Галиной Яковлевной ничуть не прельщала.

Эта женщина чувствовала меня и видела насквозь. Слишком опасно было оставаться с ней наедине.

Но и сидеть в спальне бесконечно долго у меня не вышло.

Четыре стены давили и напирали. За месяц я отвыкла от этого интерьера. Спальня перестала быть уютным укромным уголком, местом силы и домашнего

очага. Теперь она ассоциировалась с чем-то совершенно иным...

- Оль, достань вилки, будь добра.

- Конечно, - я покорно полезла в ящик кухонного гарнитура за приборами, радуясь, что не придется создавать видимость занятости. - Борис перенес свои вещи в спальню. После ужина я помогу Вам перебраться в гостевую.

- Не стоит, я вызову такси и уеду в отель.

- Нет!

Вилки выпали из рук и звонко ударились о фарфоровую тарелку, которая стояла на столе.

В моих глазах застыл ужас, когда я осознала, что придется остаться в доме с Борисом без третьего человека, который поддерживал бы нейтралитет.

- Вам незачем уезжать прямо сегодня, - быстро я взяла себя в руки, чтобы не вызывать подозрений, и продолжила сервировать стол. - Оставайтесь сколько нужно. Когда будете готовы, мы с Борисом снимем для Вас дом в поселке или найдем квартиру недалеко от офиса, чтобы можно было видеться чаще.

- К чему это?

Женщина уверенной походкой прошла во главу стола и опустилась на стул, глядя при этом куда-то сквозь меня в пустоту стеклянным взглядом.

- Вы снова вместе, будете жить как семья. Я не хочу мешать. И не нужно мне этих подачек!

- Как Вы смеете так говорить?! - из глаз едва не брызнули слезы обиды. - После всего, что я для Вас сделала, Вы говорите о каких-то подачках? Разве я этого заслужила?

- Ты заслужила жить в доме с мужем без посторонних людей.

– Вы моя мама! – на эмоциях выпалила я. – Посторонний человек... Как у Вас язык повернулся? Вы видите сейчас рядом со мной кого-то? Или, может, видели, когда я несколько недель ходила темнее тучи, ничего не ела и топила печаль в бокале? Может, моя родная мать справлялась о моем здоровье и насильно заставляла меня есть? Нет, Галина Яковлевна, это были Вы! Кормили меня с ложечки и возвращали к жизни. Разве это была подачка с Вашей стороны?

Женщина плакала.

Хоть она и отвернулась от меня, я видела, как по ее щекам катились крупные слезинки.

Я и сама едва сдерживала слезы. Наверное, еще не плакала лишь потому, что слезы давно закончились и плакать было попросту нечем.

– Это была материнская любовь, – тяжело дыша, наконец сказала Галина Яковлевна, стараясь контролировать голос.

– Значит примите и мою любовь, мама. Вы будете оставаться здесь так долго, как это понадобится. Я обо всем позабочусь.

– Иди сюда, Родная моя, – женщина любовно прижалась ко мне с объятиями, и я облегченно выдохнула.

Впервые за сегодняшний день я почувствовала себя так хорошо и спокойно.

Что бы ни случилось, как минимум одно надежное плечо рядом у меня точно будет.

Когда я успела так привязаться к свекрови? Сама не знаю.

После свадьбы у нас были хорошие и доверительные отношения, но я не могла назвать их даже дружескими, не то что отношениями матери и дочери.

Но шли годы.

Моя мама все меньше понимала меня. Ей был чужд такой образ жизни: карьера, светские мероприятия, интервью, планы на несколько лет вперед, куда не вписывается семья и ребенок.

Все чаще мы ссорились на почве внуков, которых она очень хотела. В конце концов общение свелось к редким разговорам раз в неделю, где каждая из нас интересовалась делами друг друга и отвечала сухое «все хорошо».

А Галина Яковлевна напротив с каждым годом понимала меня лучше и лучше.

Она посмеивалась, когда я снова и снова препиралась с Борисом насчет работы или бытовых мелочей. В сыне она видела копию своего мужа, поэтому всегда могла дать дельный совет.

Ей хотелось внуков, но она никогда не настаивала. Она уважала мой выбор и ценила во мне стремление построить карьеру и стать профессионалом в своем деле.

В какой-то момент «мама» стало не просто обращением, а моим искренним отношением к ней.

– Мои любимые женщины, ужин готов? Я ужасно голоден!

Борис спустился в столовую со второго этажа, и все было так, как будто не было этого злосчастного месяца.

По крайней мере, мы втроем старательно делали вид, что этого месяца не было. На подсознательном уровне никто из присутствующих за столом не забыл о происходящем. Да и можно ли вообще о таком забыть?

– Мама, я подыскал тебе несколько отличных квартир в центре. Посмотришь варианты? Можешь выбрать любую, мы все оплатим.

– Галина Яковлевна пока останется у нас, – холодным голосом произнесла я, насаживая на вилку запеченную кукурузу.

– Мы с тобой уже обсудили. Маме будет неловко жить с нами под одной крышей. Мам, я же прав?

Свекровь подняла на меня вопросительный взгляд. Я смотрела в ее глаза лишь мгновение, но этого хватило, чтобы она прочитала во взгляде немую мольбу о помощи.

Галина Яковлевна очень любила своего сына, но она никогда не врала, говоря, что я ей была как родная дочь.

– Нет, Боренька. Я хочу пожить некоторое время с вами. Мне сейчас нелегко из-за разрыва с твоим папой, и поддержка лишней не будет.

– Мы бы поддерживали тебя, даже если бы ты жила за полярным кругом...

– Выгоняешь родную мать?

– Нет, – мужчина безапелляционно улыбнулся. – Конечно, нет. Живи у нас столько, сколько будет необходимо.

– Вот и ладненько! Кто будет десерт?

Так и началась наша семейная жизнь. Я, Борис, Галина Яковлевна и ребенок, отца которого я еще не установила...

Мы ложились спать за полночь.

Много времени заняло переселение Галины Яковлевны в гостевую комнату.

К моменту отхода ко сну я была совсем без сил. Едва смогла сходить в душ, переодеться в пижаму и намазать руки увлажняющим кремом.

– С ума сойти как соскучился по твоим объятиям. Даже по твоим волосам на подушке, которые вечно лезут в лицо.

– Я могу собирать их на ночь, если хочешь.

– Нет, что ты. Иди скорее ко мне, – Борис откинул одеяло, открывая обзор на его тело в семейных трусах.

Этот вид не вызвал ничего кроме очередного приступа тошноты.

Мне стало до одури плохо, и я устремилась в ванную комнату.

Черeda глупых совпадений? Стоит мне оказаться в непосредственной близости от мужа, как физиология заставляет отойти на безопасное расстояние.

Я не понимала что это: реакция на плотный ужин, непереносимость парфюма мужчины, который до конца не смылся с его тела, или защита на психологическом уровне.

Мне не хотелось контактировать с мужем, это правда. Было тошно от одной мысли, что придется целовать его губы, обнимать его тело.

Но почему? Виной всему невесть откуда взявшийся токсикоз. Или это были не те губы и не то тело?..

– Конечно, токсикоз, глупая, – сказала я едва слышно себе под нос, умываясь ледяной водой.

Когда я вышла из ванной, Борис обеспокоенно измерял комнату шагами.

– Снова плохо? Может, таблетку какую или врача?

– Не переживай, – я натянуто улыбнулась, забирая из шкафа тонкий розовый плед. – Такое бывает при беременности. Я в порядке. Посплю сегодня в гостиной, в этой комнате пахнет твоими духами...

– Я сейчас же проветрю!

– Проветрим завтра, а сегодня я лягу внизу. Доброй ночи.

– Доброй...

Я оставила ошарашенного мужчину одного в спальней, а стоило двери за спиной закрыться, облегченно выдохнула.

Глава 2

Просыпаться пришлось ни свет ни заря, чтобы Галина Яковлевна не узнала, что я спала отдельно от мужа.

В ее голове уже наверняка вертятся всевозможные подозрения, но укреплять их я не хочу.

Почему не сказать ей обо всем прямо? Не знаю...

Новость о беременности обычно радостное событие. Все смеются, улыбаются, поздравляют будущих родителей.

Конечно, я была очень рада, что стану мамой, обожала Малыша и на подсознательном уровне уже выбирала для него кроватку и самые красивые детские вещи. Но сейчас я не была готова радоваться и принимать поздравления.

Мне нужно было немного времени свыкнуться с этой мыслью, принять реальность, пожить с мужем так, как мы жили до размолвки. В конце концов, выяснить мой ли муж отец этого ребенка...

– Доброе утро, – Борис еще спал, когда я вошла в спальню, прижимая к себе розовый плед.

– Доброе утро. Как спалось? Как себя чувствуешь?

– Нормально спалось, – я старалась не обращать внимание на мужчину в комнате и бралась за что угодно лишь бы создать видимость занятости. – А ощущения внутри паршивые. Хочется есть, но при этом о еде даже думать не могу.

– Милая, нужно потерпеть. Это совсем скоро пройдет и ты сможешь наслаждаться своим положением. Ложись ко мне в кроватку? Я хорошо проветрил комнату, больше ничем не пахнет.

Судорожно сглотнув, я свернула кофту, которую вот уже несколько минут зачем-то крутила в руках, натянула на лицо фальшивую улыбку и забралась к мужу под одеяло.

Вечно бегать от него все равно не выйдет. Когда-то нам нужно будет обняться и поцеловать друг друга.

– Все хорошо? – уточнил Борис, прижимая меня крепче к себе.

– Угу.

Хотя по моему лицу в тот момент, наверное, можно было сказать совершенно противоположное.

У меня не было отвращения к мужу. Он всегда привлекал меня красивой внешностью, спортивным телосложением, харизмой и энергией. Но сейчас меня совершенно не влекло к нему.

Объятия Бориса были холодными и вызывали у меня не больше эмоций, чем прикосновения любого едва знакомого человека.

Мне было трудно расслабиться, ощущая его дыхание в волосах, ладони на моей талии. Все тело от напряжения вытянулось в струну, и это наверняка не осталось незамеченным мужчиной.

– Мы с тобой со всем справимся, – ласково шепнул Борис на ухо. – Легко не будет, но я сделаю все возможное, чтобы мы были самой счастливой семьей. Обещаю тебе.

– Я люблю тебя.

– И я люблю тебя, Родная.

Казалось, мои слова стали для мужа настоящей усладой. Он облегченно выдохнул, крепче сжал меня в своих объятиях и носом уткнулся в ямочку на шее.

На его губах виднелась улыбка, он был по-настоящему счастлив.

Вот только я призналась в любви не из большого желания это сделать. Просто... Не было других ласковых слов. Я не хотела врать, а чувство любви – единственное, в чем я сейчас уверена.

Я любила мужа, действительно любила.

– Какие у нас планы на день? – за завтраком, намазывая черничный джем на багет с маслом, спросила Галина Яковлевна.

Свекрови было невдомек, что сегодня мы спали в разных кроватях по моей инициативе. Утром в столовой она увидела счастливую семейную пару, которая вместе готовит завтрак и заваривает чай.

– Мы ничего не планировали... Оль, может, прогуляемся где-нибудь? Можем посмотреть кино или сходить в гости к Астаховым, они давно нас звали.

На секунду я представила, что проведу весь день с Борисом за совместными делами.

Во взгляде застыл ужас, и я, не краснея, соврала:

– Я должна поехать к Люде. Да, мы давно договаривались. Нужно помочь ей с детьми.

– Помочь с детьми? – Миролюбовы синхронно заломили брови в удивленном жесте.

– У Сашеньки какой-то спектакль. Нужно репетировать, подогнать под него костюм... Съезжу, помогу. Заодно поболтаем о нашем, о женском.

– Тогда я поработаю из дома, – Борис пожал плечами, не возражая моему отъезду.

– Мне тоже нужно... Поработать. Оленька, подбросишь меня до центра?

Я понимала, что по дороге нас ждет непростой разговор. Да и от осознания к кому именно собралась ехать Галина Яковлевна внутри все неприятно сжалось.

- Конечно, подброшу.

После завтрака я поспешила ретироваться на второй этаж, чтобы без лишних ушей позвонить Людке.

Подруга была человеком семейным и наверняка уже имела планы на эту субботу, но поговорить с ней сейчас вопрос жизни и смерти.

- Люда, спасай, - начала я с места.

- Что случилось? Ты меня пугаешь!

- Нам нужно поговорить. Точнее мне нужно уехать из дома к тебе.

- А, любимая свекровь замучила? - подруга еще не понимала в каком ключе будет наш с ней разговор. - Приезжай, конечно. У нас все равно какой-то ленивый выходной. Слоняемся по квартире, ничего не делаем.

- Ты моя спасительница!

Сбросив вызов, я выглянула за дверь спальни, чтобы убедиться, что мой разговор никто не слышал.

В коридоре было пусто.

Погода теплом не радовала, да и как было радовать, когда до зимы остаются считанные дни?

Холодна стояли уже не осенние. А с наступлением беременности мне и вовсе хотелось закутаться в две шубы, чтобы не застудить Малыша.

Галина Яковлевна в одной накидке из кроличьего меха окинула странным взглядом мой прикид, но не сказала ни слова.

Женщина грациозно обошла машину и устроилась на пассажирском сидении.

- Будь аккуратна, хорошо? И напиши, когда доберешься.

- Конечно, не волнуйся, – я послала мужу воздушный поцелуй, чтобы не вызывать подозрений, и поспешила скрыться в салоне своего авто.

Свекровь выжидающе молчала, пока мы ехали по поселку. Она смотрела на дорогу, но дышала так показательно громко, что было ясно: мысли ее вовсе не о поездке.

- Ничего не хочешь мне сказать?

- Ремень пристегните, – небрежно бросила я, не отвлекаясь.

- Оля, ты за дуру меня не держи. Почему спала сегодня на диване?

От неожиданности я даже отпустила педаль газа, и машина приостановилась прямо посреди выезда из поселка. Благо, что вокруг не оказалась никого, кто мог бы въехать в нас.

- Откуда Вы знаете?

- На кофейной гуще гадала! Деточка, мы в одном доме живем, тебе от меня ничего не скрыть.

Невольно я опустила взгляд на еще не округлившийся живот, но поспешила вернуть все внимание на дорогу.

- Да, спала на диване, – ответ вышел какой-то несуразный, не соответствующий вопросу. – Не хотела, чтобы Вы знали, чтобы Вас не расстраивать.

- А сейчас я не расстроена, по-твоему? Сейчас я счастлива, да?

- Не нервничайте! А-то я тоже начинаю, – а мне нельзя... – Это вовсе не то, чем может казаться со стороны. Я просто пока не могу принять Бориса обратно

полностью. Не смогла лечь с ним в одну постель... Но это лишь временно!

Я ожидала услышать осуждение со стороны свекрови, но она улыбнулась и покачала головой как будто я была маленьким ребенком, который совершил шалость.

– Оль, в этом нет ничего странного или страшного. Вы не жили вместе месяц, много что произошло... Конечно, со временем чувства и эмоции придут в норму, снова захочется целовать мужа, обнимать, ложиться с ним в одну кровать. Но ты-то на диване зачем спала?! Выгнала бы его!

Я искренне рассмеялась и взяла свекровь за руку в знак благодарности за поддержку.

Галина Яковлевна тоже улыбалась, я видела это боковым зрением. Но ее улыбка была с тенью грусти и сожаления, как будто она что-то не договаривала мне.

– Я могу продолжать работать над проектом с Кириллом? Если запретишь, я не стану.

– Не говорите глупостей, – я старалась быть совершенно равнодушной, но голос предательски дрогнул, а пульс участился до космических значений. – Работа и личная жизнь никак не связаны. К тому же от вашего сотрудничества все будут в плюсе.

– Я не хочу, чтобы мое общение с этим человеком доставляло тебе дискомфорт.

– А я хочу видеть счастье на Вашем лице! И Вы очень счастливы, когда работаете. Так что не нужно ни от чего отказываться, идет? Просто не обсуждаем этот вопрос и все.

– Спасибо тебе, Оленька.

Я высадила свекровь в центре недалеко от дома Кирилла. Не стала уточнять где именно они обговаривали встретиться. Просто пожелала продуктивной работы и поспешила поскорее уехать, чтобы не пересекаться с мужчиной.

Конечно, я понимала, что рано или поздно нам придется посмотреть друг другу в глаза. Возможно наедине, возможно на деловой встрече или светском мероприятии.

Но мне казалось, что через некоторое время я буду готова к этой встрече. Смогу принять Бориса обратно в свою жизнь, смогу забыть о Корневе, смогу убедить общественность, что снова счастливая жена и будущая мама Миролюбова младшего.

Сейчас же я была не готова пересекаться с этим человеком.

Люда ждала меня и была рада, когда я наконец появилась в их квартире с шоколадно-ореховым тортом к чаю.

– Дети, тётя Оля пришла! Выйдите поздороваться!

Откуда-то из детское послышался топот, и уже через секунду в коридоре стояли двое Людкиных шалопаев.

Саша был в костюме человека-паука, а Сонечка, замотавшись в мамин шарфик, изображала из себя человека-невидимку.

– Здравствуйте, тётя Оля!

– Привет, привет, карапузы! А что я принесла этим маленьким супергероям?

– Мы уже не маленькие, – в голос пропищали дети.

– Не маленькие? А кому же тогда детский киндер-сюрприз?

– Маленькие, маленькие!

Саша с Соней выхватили у меня из рук шоколадные яйца и с громкими радостными воплями понеслись обратно в комнату, чуть не сбивая с ног своего отца.

– Дети, где ваши манеры? Что нужно сказать тёте Оле?

– Чтобы приходила почаще, – шутливо сказал Руслан, обнимая жену. – Привет, Оль. Проходи давай, чего в дверях стоишь?

Я кивнула и наконец разулась.

Люда на кухне готовила чай, пока Руслан открывал и нарезал торт.

В квартире подруги как всегда царила особенная семейная атмосфера любви, тепла и уюта. Неосознанно здесь хотелось улыбаться.

В мелочах ощущалась любовь этой семьи: фотографии в рамках на стенах, детские рисунки, прикрепленные на холодильник магнитами, привезенными с семейного отпуска.

Но все это было какое-то простое, искренней, совсем не для выставления напоказ.

Руслан обнимал Люду, пока та стояла над чайником в ожидании пузырьков в воде, Люда не упускала возможности ущипнуть мужа за бока, если тот терял бдительность.

Они были вместе десять лет, но не утратили той страсти друг к другу, которая была много лет назад, когда мы только познакомились.

– Тётя Оля, тётя Оля! – в кухню прибежали Сашенька с Сонечкой и стали размахивать перед моим носом пластмассовыми игрушками из шоколадных яиц. – Мне попался Человек-муравей!

– А у меня принц Филлип на его белоснежном коне! Спасибо, спасибо, спасибо!

– Да на здоровье, мои хорошие, – я обняла маленьких непосед, которые даже в моих объятиях ерзали как заведенные. – Наконец-то девочкам стали класть принцев на белом коне...

Дети убежали играть обратно в комнату, а я посмотрела им вслед и улыбнулась. Неужели совсем скоро такой же топот будет в моем доме?

- Ты чего молчишь-то? - из мыслей о будущем меня вывела Люда. - Рассказывай, что там свекровь чудит.

- Да я не из-за нее приехала...

Подруга вопросительно посмотрела на меня, а я перевела взгляд на Руслана, сомневаясь, стоит ли выкладывать всю правду при нем.

- Мне уйти? - мужчина тут же отреагировал.

- Конечно, уйти. Сидишь тут, уши греешь за девичьими разговорами.

- Нет, нет, Руслан, все в порядке, - я поспешила заверить, принимая из рук подруги чашку с горячим чаем. - Я не скрываю ничего, просто ты можешь быть несколько шокирован...

- У нас двое детей, Оля. Его может шокировать новость только о третьем ребенке! Но не сейчас, конечно, не сейчас.

Я тяжело вздохнула. Трое детей у меня, конечно, будет вряд ли, а вот один совершенно точно уже имеется...

- Я рассталась с Кириллом, вернулась к мужу и беременна от кого-то из них.

- Ну нет, от таких новостей я, конечно, охренел...

В гробовой тишине, которая повисла в кухне, было слышно только как Руслан шумно отпивает чай из своей кружки.

Люда смотрела на меня, не моргая. В одной руке у нее была тарелка с куском торта, а в другой нож, которым она этот самый торт только что клала.

Я поспешила забрать и то, и другое, пока что-нибудь из этого не оказалось на полу.

– Что ты сказала? – подруга улыбнулась в надежде, что я рассмеюсь и скажу, что это шутка, но я лишь потупила взгляд. – Ты беременна?

– В пятницу была у врача, сама не ожидала. На неделе сделаю узи и сдам анализы, чтобы понять срок.

– Бог ты мой... – Люда опустилась на подоконник, хватаясь за сердце. – Думаешь, отец Борис?

– Не уверена, но скорее всего. С ним вероятность куда больше.

– Оль, я очень рада за тебя, просто... Это неожиданно!

– У самой такая же реакция.

Подруга крепко обняла меня, на ухо шепнув, что все будет хорошо.

Она была рада, что я скоро стану мамой, знаю. Но нас обеих помимо скорого материнства волновала и ситуация с отцом этого ребенка.

– Как Борис отреагировал?

– Не так, как хотелось бы... – на душе стало тоскливо от воспоминаний о реакции мужа. Наверное, мне хотелось, чтобы он как Люда поздравил меня, обнял. Именно этого я ждала. – Сказал, конечно, что даже если ребенок не от него, все равно будет любить, воспитает. Но я понимаю, что он надеется, что он отец.

– А если не он? – я растеряно пожала плечами.

Тут ответить мне было нечего. Об этом я сама не думала и боялась думать. Надеюсь, что и не придется...

– Кириллу и Галине Яковлевне не говорила?

– Нет, конечно. И вы никому ни слова! Я не переживу, если в прессе будут трезвонить, что я могу быть беременной от конкурента моего мужа.

Люда согласно закивала.

А вот реакция Руслана была мне непонятно.

Мужчина ничего не говорил, не поздравлял меня, только буравил тяжелым ледяным взглядом, от которого на душе становилось нехорошо.

Я знала его этот взгляд. По словам Люды, так он выводил на чистую воду кого угодно.

– Поздравляю, – наконец произнес мужчина.

– Спасибо.

– Вернулась к мужу только потому что думаешь, что ребенок от него?

Я свела брови у переносицы. Вопрос прозвучал грубо и бестактно, за что подруга шикнула на мужа, но тот никак не отреагировал. Продолжал смотреть на меня, ожидая ответа.

– Вернулась, потому что он мой муж. Семья это не просто слово, это ответственность, обязательства, согласие идти на какие-то уступки.

– Для тебя, – в гробовой тишине сказал Руслан. – А для твоего мужа? Он оставил тебя ради молоденькой любовницы, а потом эгоистично захотел вернуть семью, когда увидел, что ты счастлива с другим. Что это с его стороны? Ответственность? Обязательство? Уступка?

– Руслан, замолчи сейчас же! – Люда снова попыталась отдернуть мужа, но у нее ничего не вышло.

– Для тебя брак всегда был чем-то особенным, сакральным, а он в сорок лет побежал за молоденькой девчонкой, поддавшись веянию кризиса среднего возраста. И что ты теперь делаешь? Возвращаешься к нему и уходишь от

человека, который готов был мир к твоим ногам положить?

- Не тебе учить меня жизни...

Я злилась на этого человека за его слова, но в глубине души понимала, что он прав, и злиться мне стоит только на себя.

Я не могла поднять взгляда на Руслана, потому что моментально сдалась бы под его напором, выложила бы всю правду, которую тщательно скрывала даже от самой себя.

- Согласен, Оль, не святой. Но за десять лет брака я не допустил даже мысли оставить жену ради кого-то. И моя жена, когда узнала, что беременна, пришла ко мне, а не к подруге. Дай Бог, чтобы этот ребенок, да будет он здоров и счастлив, оказался от Бориса. Потому что иначе я понятия не имею, как ты сообщишь эту новость мужу и как будешь общаться с Кириллом.

Руслан поднялся со стула и покинул кухню под гневным взглядом жены.

Люда тут же кинулась ко мне, но я лишь отрицательно качнула головой, давая понять, что в порядке.

В конце концов, Руслан прав в каждом своем слове...

Подруга сделала все возможное, чтобы неловкость растворилась как можно быстрее. Она тысячу раз извинилась за поведение и слова мужа, но это было лишним.

Я не злилась и не обижалась на Руслана, он всегда был прямолинейным человеком, который умел трезво смотреть на вещи даже в критической ситуации. И его мнение заставило меня задуматься о происходящем с другой точки зрения.

- Когда поедешь к врачам?

- На вторник записана, - я тяжело вздохнула и попыталась отвлечься на детей, который сновали по площадке как муравьи в муравейнике.

– Сходить с тобой?

– Нет, не нужно.

Люда хотела сказать что-то еще, но замолчала.

Я смотрела на подругу и завидовала ей белой завистью.

Она сидела на площадке во дворе дома, совершенно простая, не покрашенная, в теплом спортивном костюме. От нее веяло женским счастьем.

В нескольких метрах игрались двое ее чудесных детей, ее муж не сводил с них глаз и не прочь был побегать вместе с ними по двору.

Люда жила как будто другой жизнью. Светские обеды не были для нее во главе всего, да и Руслан не ставил работу на первое место.

Это было их счастье. Тихое, семейное.

До какого-то момента мне казалось, что такое счастье не для меня. Я никогда не хотела проводить свою субботу на детской площадке, наблюдая. Как чьи-то дети порываются съесть песок из песочницы.

Но сейчас я смотрела на все это и мечтала оказаться на месте подруги. Хотела, чтобы мой мужчина бегал за детьми по детской площадке, чтобы я сидела на лавочке, не думая о работе, своем внешнем виде.

Я хотела, чтобы для счастья не нужно было что-то делать. Хотелось, чтобы оно просто было.

– Что будешь делать, если по срокам ребенок окажется от Кирилла?

Люда подняла на меня извиняющийся взгляд. Как будто она не хотела затрагивать эту тему, но понимала, что это необходимо.

Наверное, и впрямь стоило подумать об этом до того, как врач назовет мне срок.

– Мне страшно даже представить такое... Я не смогу быть с ним, это факт. Да, нам было хорошо вместе, но не семье ведь говорить, чего уж. Он сильно младше меня, наши отношения были не так крепки, чтобы выдержать беременность, а потом подгузники, сопли и прочее... Будет лучше, если я буду с Борисом. Он надежный, он мой муж. Пресса не раздует скандала, если через пару месяцев я заявлю о своем положении.

– Но Кирилл имеет право знать, если он отец... Он уже потерял одного ребенка.

– Знаю, – я согласно кивнула. – Врать ему будет верхом бесчеловечности. Но если скажу правду, он захочет как минимум участвовать в жизни этого ребенка. Как это будет выглядеть? По выходным я, Борис, Кирилл и ребенок будем выезжать в парк гулять? Мне жалко психику этого Малыша! Да и для прессы слишком лакомо.

– Мне иногда кажется, что ты думаешь о ком угодно кроме самой себя! С кем будет лучше ребенку, что скажет пресса, что подумает о тебе свекровь. А ты, Оль? Как тебе будет лучше?

Я пожала плечами и не смогла ничего ответить Люде еще несколько минут.

Я не думала о себе больше суток. Как только узнала о беременности.

Кажется, в тот момент «я» перестало существовать. Как будто Оли не стало, осталась только будущая мать, которая обязана думать о ребенке и его благополучии.

– Ты думала о себе, когда была беременной? Ставила свои интересы выше интересов детей?

Тут уже не нашлось слов у Люды. Подруга открыла рот, чтобы мне ответить, но тут же закрыла его и взяла паузу для размышлений.

– Мои интересы никогда не шли вразрез с интересами детей. Знаешь, мать не может быть счастлива, если несчастны дети. Но ребенок никогда не станет счастливым, если его мама не испытывает счастья.

Я кивнула.

Понимала это и сама. Но найти баланс между правильным решением, семьей, счастьем ребенка и собственным было крайне непросто...

Нарочно долго я не уезжала от подруги. А когда оставаться дальше было просто неприличным, объехала центр Москвы на несколько раз в попытках оттянуть момент возвращения домой.

Хотелось побыть наедине с собой, со своими мыслями. Понять что я чувствую и чего хочу.

Но возвращение к свекрови и мужу оказалось неизбежным. В половине десятого я припарковала машину во дворе и пошла в дом.

- Ты поздно, - Борис встретил меня в прихожей с ноутбуком в руках.

Все выглядело так, как было месяц назад.

Я задержалась на работе и вернулась чуть позже обычного. Борис уже дома в своих привычных серых штанах и белой футболке-поло. Он позаботился, чтобы вечером нам было с чем выпить чай, поэтому с кухни приятно пахнет выпечкой из любимой пекарни.

Загвоздка была лишь в одном. За этот месяц много чего изменилось...

- Заболтались с Людой. Соня такая непоседа... А Сашка с каждым днем больше и больше похож на Руслана. Галина Яковлевна дома?

- Вернулась еще после обеда. Она уже закрылась в комнате, собирается спать. Будешь чай?

- Не откажусь, - Борис забрал мою шубу и унес в гардеробную. - Ты заказал булочки с маком?

- Их не было, взял абрикосовые слойки. Мой руки и проходи в столовую.

Я кивнула, искренне улыбнулась и сама потянулась к мужу, чтобы благодарно чмокнуть его в щеку.

Все-таки десять лет брака – показатель того, что этого мужчину есть за что любить.

Глава 3

В последние несколько лет я никогда всерьез не задумывалась о своей беременности. Казалось, что годы, когда нужно рожать, уже позади. Мы с Борисом не мечтали о топоте маленьких ножек в доме и не планировали большой семьи.

А лет десять назад, когда мысль о детях не казалась такой нереальной, я совершенно иначе представляла себе радости грядущего материнства.

– Как же плохо, – сказала я сама себе под нос, едва поднимаясь с кровати.

Могла ли я предположить, что в жизни беременность совсем не такая, как в голливудских фильмах?

Просыпаться беременной оказалось куда сложнее. Да и пробуждение это было совсем не радужным.

Несмотря на полное отсутствие живота и умеренный токсикоз, утро было для меня настоящим испытанием.

Я не могла выспаться ровного с того дня, как узнала о своей беременности.

По утрам отекали руки, ноги, пальцы. Лицо делалось таким круглым, что я едва могла открыть глаза и посмотреть на себя в зеркало.

– Как эти беременные молодые девочки умудряются выглядеть счастливыми и очаровательными? На меня же без слез не взглянешь.

Я тихо радовалась тому, что сплю отдельно от Бориса. Хотя бы он не видит всей этой красоты...

Сегодня по совету Галины Яковлевны я отправила мужа спать в гостиную на диван, обосновав это своим обострившимся токсикозом.

Токсикоза, как такового, у меня не наблюдалось. Но рядом с Борисом безбожно мутило. Все его духи...

На этом этапе мне и впрямь было комфортнее спать одной.

Потихоньку я прислушивалась к своему организму, старалась понять как мне удобнее спать, на каком боку лучше лежать и как подниматься с постели по утрам.

Все это было для меня чем-то необычным, при этом очень личным и интимным. Я не хотела, чтобы кто-то кроме меня наблюдал за этим процессом становления будущей матери.

Утром хватало часа, чтобы привыкнуть к ощущениям нового дня, рассмотреть живот, который, как мне казалось, увеличивался с каждой секундой, погладить Малыша.

После этого я шла в ванную, умывалась, приводила себя в порядок и как ни в чем не бывало спускалась на первый этаж в столовую.

– Доброе утро, – муж и свекровь уже сидели за столом и пили ароматный фруктовый чай с сырниками.

– Здравствуй, Оленька. Будешь чай или сделать тебе кофе? Боря, позаботься о супруге.

– Конечно. Садись, Солнце, – мужчина заботливо придвинул для меня стул, помогая сесть, поцеловал в щеку и шепнул на ухо, что я прекрасно выгляжу.

Это было особенно лестно, учитывая, что я знала, как выгляжу на самом деле.

Борис скрылся на кухне, когда Галина Яковлевна перекинулась через стол, чтобы шепнуть мне:

– Милая, выглядишь не очень хорошо. Отекла, прыщики... Тебе, может, к косметологу?

– Я просто не накрасилась, – буркнула, распуская волосы, чтобы прикрыть часть лица. – И перенервничала.

– Это точно! Все болезни от нервов. Давай с тобой сходим в спа? Расслабимся, приведем себя в порядок.

– Не в ближайшие дни.

– Какие-то планы на ближайшие дни? – с кухни вернулся Борис и поставил передо мной кружку некрепкого кофе со сливками. – У меня было к вам предложение на сегодняшний вечер.

– Ты о благотворительном вечере в центральной галерее? Даже не уговаривай! – Галина Яковлевна не стала ничего слушать и подскочила со своего места.

Хоть женщина и пыталась натянуть маску брезгливого безразличия, в ее взгляде я увидела секундную панику, смешанную со страхом и замешательством.

Я тоже слышала что-то о предстоящем вечере. По большей части потому что Миролюбов старший был одним из меценатов и приглашенных гостей тусовки.

Они со свекровью каждый год посещали это мероприятие, а вот мы с Борисом почему-то обходили его стороной.

– Мама, оставь эмоции, ты же взрослый человек. Наше появление там будет отличным поводом объявить о воссоединении семьи. И у вас с папой будет возможность поговорить.

– Знаешь, а ты прав! – Галина Яковлевна вдруг воодушевилась, затянула пояс домашнего шелкового халата и гордо вскинула голову. – Во сколько начало? В семь, кажется? Оля, будь готова через два часа, поедем в салон. Сначала за платьем, а потом в салон!

Я смотрела вслед уходящей из столовой свекрови, шумно глотая кофе из кружки, и всем нутром ощущала, что что-то здесь не чисто.

Мне понравилась энергия, которая исходила от Галины Яковлевны, решительность. В ее глазах не было видно страха или растерянности. Но чем обусловлена такая резкая смена настроения?

Неужели свекровь решила ни с того ни с сего помириться с мужем?

Я думала о таком исходе. Наше с Борисом примирение не могло пройти бесследно. Возможно, что-то внутри щелкнуло, вспомнились былые чувства...

- Чудесно, да?

- А? что? - я растеряно повернулась к Борису и улыбнулась в ответ на его улыбку. - Прости, я отвлеклась, не расслышала.

- Говорю, здорово, что мама приняла правильное решение. Им с отцом нужно помириться.

Я смотрела в счастливые глаза Бориса и не смогла возразить. Вышло только нелепое угуканье, которое я утопила в глотке некрепкого кофе.

Мужчина был как будто слеп или попросту не мог чувствовать того, что чувствует обиженная женщина, преданная мужем.

Борис не знал о существовании второй семьи у его отца, не знал, как больно Галине Яковлевне было узнать об этом, пережить разрыв. Поэтому он и верил в возможность сохранения семьи Миролюбовых старших.

А я вот в это верила с трудом...

- Я зайду? - поднявшись на второй этаж после завтрака, я первым делом зашла в гостевую комнату к свекрови.

Она, напевая под нос незатейливую мелодию, прикидывала на себя платье из арсенала, привезенного с собой из дома.

Я давно не видела, чтобы у этой женщины так горели глаза. Но это был какой-то дьявольский огонь...

Совсем не тот, что был, когда она улыбалась или с особым усердием работала. Это была радость на грани сумасшедшего помешательства.

– Оленька, лучше в этом платье поехать или надеть брюки с блузкой?

– Какая разница? Мы же едем в магазин, чтобы купить платье для вечера.

– Женщина всегда должна быть неотразима, – с этими словами свекровь извлекла из шкафа длинную юбку и полупрозрачную шифоновую блузу с объемными рукавами.

– С Вами не поспоришь. Надевайте платье, его удобнее снимать. К тому же голубой Вам к лицу.

Продолжая напевать себе под нос, Галина Яковлевна выбирала украшения к наряду.

Я наблюдала за ней пару минут, чтобы распознать, что именно переменялось в настроении свекрови. Но ответа в счастливом взгляде так и не увидела.

– Что происходит?

– Серёжки выбираю. Хочешь, тебе какие-нибудь одолжу? – я отрицательно мотнула головой, не сводя взгляда с женщины. – Ну как знаешь.

– Не заговаривайте мне зубы. Вы на расстояние пушечного выстрела отказывались подходить к мужу, а тут, пританцовывая, собираетесь на благотворительный вечер, где все внимание будет к его персоне и нашей семье?

– А что такого? Мы же семья. Вы с Боренькой и мы с Гришей.

– Вы кофе с коньяком на завтрак пили, да? – свекровь рассмеялась, отворачиваясь к зеркалу. – Галина Яковлевна, я женщина и мне сорок. Не

думайте, что я поверю этому спектаклю.

Больше сказать мне было нечего, и я ушла в спальню, чтобы самой собраться.

Борис предлагал поехать с нами, но я отказалась.

Почему-то было ничуть не грустно уезжать от мужа. Напротив я цеплялась за возможность остаться без него, снова ощутить это приятное одиночество, к которому развилась привычка за месяц разрыва.

Компания свекрови мне крайне импонировала. Терзал тот факт, что сейчас я не могу быть искренней с ней полностью, но я уговаривала себя, что это временная вынужденная мера.

В конце концов, она тоже не до конца честна со мной.

– Так и не скажете, что задумали? – спросила я в одном из бутиков, где свекровь примеряла на себя невесть какое по счету платье.

– Я не понимаю, что ты хочешь от меня услышать.

– Правду.

Я встала с удобного диванчика, подошла к женщине и осторожно подобрала подол платья, чтобы приоткрыть носочки туфель.

– Длина должна быть вот такой. Что думаете?

– Думаю взять предыдущее. Красное. Я в нем роковая, правда?

– Правда, но дело вовсе не в платье.

– Ты мне льстишь!

Свекровь умело уходила от ответов, что вызывало еще большие подозрения.

Она с удовольствием ехала на вечер, где будет муж, который чуть не довел ее до полусмерти, выбрала шикарное платье, собиралась сделать яркий макияж. Все это походило на тщательно продуманный план.

Женщина собиралась мстить.

Я знала, что ей больно, обидно. Знала, что желание вернуть мужу бумерангом все то, что получила она, сильнее здравого смысла.

Понимала, что Галина Яковлевна что-то замышляет, но не собиралась ее останавливать, нет... Она взрослая женщина, и если решила, что так нужно, значит так действительно нужно.

В салоне красоты в руках умелых мастеров мы провели несколько часов, наслаждаясь уходовыми процедурами и процессом создания макияжа и прически.

Я попросила лишь подчеркнуть мою природную красоту, а вот свекровь постаралась на славу и своим сегодняшним образом скинула несколько десятков лет.

– Как я тебе?

– Выглядите так, будто собираетесь отобрать у мужа все его состояние.

– Пусть подавится, – гневно прошипела женщина, глядя на свое отражение в зеркале. – Я сделаю ему больнее.

Мы встретились взглядами в идеально гладкой поверхности зеркала примерочной и синхронно улыбнулись.

Я сделала вид, что не расслышала, а Галина Яковлевна благодарно кивнула в ответ на это.

Она бы поступила так же по отношению ко мне, я уверена.

К назначенному времени мы добрались до галереи в центре столицы.

На парковке здесь уже собирались элитные машины их состоятельных владельцев.

Повсюду слышались светские разговоры, богатые джентльмены вели под руки своих прекрасных спутниц, одетых в лучшие одежды. Все выглядело дорого, пафосно, масштабно. Под стать благотворительному вечеру.

Мы с Галиной Яковлевной были в числе тех немногих, кто входил в галерею без спутников. На нас косо поглядывали и даже перешептывались, но зал буквально замер, когда к нам подошли Миролюбовы.

Борис тепло улыбнулся мне, коснулся щеки нежным поцелуем и взял под руку, чтобы отвести к столику для двоих в самом центре зала.

Получив одобрение от свекрови, я с чистой совестью позволила себе следовать за мужем.

Стоило нам сделать первый шаг по паркету, как все внимание прессы переключилось с меценатов на нашу пару.

Затворы камер щелкали ежесекундно, журналисты потеряли всякий контроль и буквально тыкали в нас микрофонами и усыпали вопросами.

– Пожалуйста, соблюдайте субординацию, – попросил Борис, буквально отодвигая от меня толпу надоедливых писак.

В эту же секунду рядом появилась охрана, которая поспешила утихомирить разбушевавшуюся прессу.

– Все комментарии после мероприятия, – обнадеживающе произнесла я по долгу своей профессии.

За расспросами толпы журналистов я упустила из виду пару старших Миролюбовых. Мои свекры обменялись улыбками, а после я их не видела.

Наверняка им нужно было поговорить друг с другом, обсудить все произошедшее.

– Я встретился с отцом час назад, – Борис как будто прочитал мое волнение. – Он настроен помириться с мамой. Уверен, они поговорят, и все наладится. Мама вроде бы тоже расположена. Вон как нарядилась!

– Ты слышал что-нибудь о платье мести Принцессы Дианы? – Борис только вопросительно изогнул бровь. – Нет? Ну ладно...

А я слышала и о принцессе Диане, и видела взгляд своей свекрови, так что могла сложить два плюс два в своей голове.

– Тебе взять воды или, может, сок?

– Теплой воды с лимоном.

Отчасти было неловко в светском обществе, куда с мужем я не выходила вот уже больше месяца.

Со всех сторон на меня косились, перешептывались. А когда я переводила взгляд, неловко отворачивались и смущались.

Конечно, соглашаясь прийти на это мероприятие с мужем, я понимала, что подписываю себе приговор. И, возможно, куда проще было бы объявить о примирении через прессу или в аккаунтах в социальных сетях.

Но это было неправильно по отношению к бизнесу, по отношению к десяти годам нашего брака.

Я должна была прийти в шикарном платье на этот вечер под руку со своим мужем.

– Ты так взволнована, – Борис появился рядом со стаканом воды для меня и бокалом коньяка для себя. – Если переживаешь насчет Корнева, его здесь не будет, я узнавал.

Я подняла растерянный взгляд на мужа, но тот только мягко улыбнулся, расценив мои эмоции неправильно.

О Кирилле я, честно говоря, вообще не думала. Точнее думала, но не на этом вечере. Я точно знала, что сегодня в галерее его не будет, а остальное интересовало меня мало.

Больше всего я ждала появления в зале Галины Яковлевны со своим супругом.

И они появились спустя полчаса.

Счастливые, улыбающиеся, держащиеся за руки.

Журналисты моментально переключили на них все свое внимание.

И хоть новостей о разводе Миролюбовых старших в сети было немного, в узких кругах новости об их размолвке расползлись давно.

Щелкали камеры, журналисты перекрикивали друг друга вопросами, но счастливая пара только широко улыбались и игнорировали присутствие всех вокруг.

– Ну слава богу, – Борис облегченно выдохнул, опрокинув бокал коньяка. – Я думал, они никогда не поговорят.

– У них... Сложная ситуация. Куда сложнее, чем у нас.

– Да брось, они поцапались из-за ерунды.

Я не стала перечить. Лишь мысленно молилась, чтобы гости сегодняшнего благотворительного вечера не узнали правду прямо на этом самом вечере.

Меценаты выступали со сцены, пели приглашенные звезды, поручители фонда и представители общественных организаций вещали на все лады о значимости сегодняшних пожертвований.

Время шло.

Галина Яковлевна все еще не действовала, и я боялась, что в реальность воплотится самый страшный из возможных сценариев.

– Сейчас папа будет выступать, – шепнул Борис, поддерживая общую волну аплодисментов.

В тот момент от того, чтобы глотнуть коньяка из бокала мужа, меня сдержало только осознание собственной беременности.

Потому что вместе со свекром на сцену поднялась и моя свекровь.

– Добрый вечер, уважаемые гости, мои друзья, коллеги, все равнодушные и причастные к этому большому доброму делу. Наш ежегодный благотворительный вечер направлен на сбор средств для нуждающихся в них людей. Все вы знаете, насколько важно заниматься благотворительностью. Об этом сегодня было сказано много слов. Я лишь скажу следующее: чем больше мы отдаем, тем больше нам возвращается.

Зал взорвался аплодисментами, люди буквально вставали со своих мест, чтобы показать степень восхищения позицией моего свекра.

– Спасибо, спасибо, друзья. Я очень рад, что сегодня здесь собралось столько равнодушных людей. Семь лет назад мы с Константином Гавриловичем были первыми, кто жертвовал деньги для этого фонда, а сегодня нас десятки и сотни. Это поистине большая удача. Я рад, действительно рад. Особенно приятно, что на протяжении всего этого срока, несмотря ни на что, со мной рядом любимая жена. Галя, я очень люблю тебя, люблю нашу семью со всеми недомолвками и конфликтами, – свекровь улыбается и складывает руки на груди в жесте признания. – Сегодня в зале так же мой сын с женой! Борис, Ольга, я рад, что вы продолжаете наше с Галей дело, идете по нашим стопам и принимаете правильные решения на жизненном пути. На этом у меня, пожалуй, все.

Аплодисменты снова наполнили пространство. Но в этот раз я уже не аплодировала, потому что понимала, что речь не окончена, финальной точки еще не было...

– Можно я тоже скажу пару слов? – Галина Яковлевна забирает у мужа микрофон и выходит в центр сцены, буквально ослепляя пространство своей красотой.

Я смотрю на свекровь с восхищением.

Без преувеличения она шикарная и сильная женщина, которой подвластно абсолютно все.

Я уже понимаю, что она скажет с этой сцены, какие огромные проблемы создаст холдингу, бизнесу, всей нашей семье. Но я не осуждаю ее за это и понимаю, что не стану любить меньше ни на сотую долю процента.

– Большое спасибо всем, кто пришел сегодня и пожертвовал деньги этому чудесному фонду. С помощью этих средств будет сделано большое количество добрых дел, это замечательно. У кого-то появится новое кольцо или шикарная спортивная машина. Возможно, кому-то подарят дом на средиземноморском побережье или оплатят учебу в лучшем институте Англии...

В зале повисла гнетущая тишина. Удивление было настолько сильным, что никто не попытался остановить женщину.

– Да, да, вы не ослышались. С ваших денег вот эти люди, – Галина Яковлевна указала на мужа и его делового партнера. – Спонсируют свои семьи. Казалось бы, мне ли в таком случае возмущаться? Но мой муженек спонсирует вовсе не меня и не Бориса с Олей, которые сейчас сидят в зале, а свою вторую семью. В Италии у него жена и сын, немногим младше моего Бориса. А Вы, Константин, на кого тратите полученные деньги? Расскажите публике о своих финансовых махинациях, давайте!

Женщина сунула в руки ошарашенному мужчине микрофон и тихо добавила:

– Я подаю на развод. Отсужу у тебя все, что смогу. А смогу я очень много, не сомневайся.

Сидя в первом ряду, я расслышала каждое слово и каждую гневную нотку в голосе свекрови.

Раньше она была готова кому угодно перегрызть глотку за свою семью, а сейчас грызть глотки ей приходилось за себя.

Она не могла остаться обиженной женщиной, способной терпеть унижения со стороны мужа. Она должна была постоять за себя, дать отпор. И она сделала это.

В роскошном красном платье, во всеуслышание опозорив неверного мужа, она уходила из этого зала победительницей.

- Ольга Владимировна, несколько комментариев.

- Что Вы скажете касательно заявления Вашей свекрови?

- Никогда не обманывайте жен, - бросила я, пробираясь через толпу журналистов.

Возможно, стоило остаться в зале, сохранить лицо семьи и фирмы, дать комментарии и попытаться все уладить.

Так бы сделала настоящий профессионал своего дела Ольга Миролюбова. Но за последний месяц на передний план во мне вышла женщина. Оля. Та самая, которая плакалась свекрови после разрыва с мужем и сейчас обязана была поддержать ту, что стала ей матерью.

- Галина Яковлевна, - я поймала женщину, когда та садилась в такси. -
Постойте!

- Оля, прости меня, - по ее щекам текли слезы, смывая яркий макияж. - Я создала тебе кучу проблем этой выходкой!

- К черту! - я подалась вперед, чтобы обнять свекровь. - Он это заслужил. А я со всем разберусь, не переживайте. Куда Вы уезжаете?

- Мне нужно немного побыть одной. Со мной все будет в порядке, обещаю.

- Не теряйтесь, умоляю Вас. Пишите мне и звоните. Хорошо?

– Обещаю, – женщина любовно поцеловала меня, глянула через плечо, где из здания галереи как муравьи выбирались журналисты, прыгнула в такси и уехала подальше от центра города.

Раньше толпы с фотоаппаратами и микрофонами ко мне подбежал Борис.

Он накинул на меня шубу, которую я оставила в зале, и одним гневным взглядом отодвинул всех журналистов на метр от нас.

– Уезжаем, – шепнул мужчина. – Где машина?

Я кивнула в сторону припаркованного спорткара, не сводя взгляда с дороги, по которой несколько секунд назад умчалась моя свекровь.

Все было как в тумане.

Отмахиваясь от журналистов, мы сели в машину, я едва смогла выехать с парковки, чтобы не задавить особенно активных писак, которые так и норовили броситься под колеса.

На бешеной скорости, не разбирая знаков по пути, мы доехали до одного из спальных районов, и только там я отпустила педаль газа, которую вдавливала в пол все это время.

– Ну и вечер... – Борис откинулся на спинку пассажирского сидения. – Тебе удалось поговорить с мамой?

– Нет, – я соврала. Сама не знаю почему.

– Я не понимаю, что на нее нашло. Наговорила какой-то ерунды со сцены! Папа сразу ушел. Я ничего не понимаю!

– Борь, она правду говорила, – я подняла взгляд на мужа и кивнула в ответ на его отрицательную реакцию. – У твоего отца есть вторая семья в Италии. А у тебя брат Рафаэль, ему, кажется, тридцать пять.

– Ты все знала?

– Только про семью, – тихо отозвалась я. – Галина Яковлевна рассказала, когда попала в больницу. Из-за этого она туда и попала...

– Ты знала и не сказала мне? – мне было нечего ответить мужу. – Оля, как ты могла? Мы же семья! Они моя семья! Это мои родители, я имел право знать!

Мужчина от накрывающих с головой эмоций переходил на крик.

Я понимала, что он чувствует, понимала его обиду.

Но мое эмоциональное состояние, и без того находящееся на волоске от нервного срыва, просто не могло такое выдержать.

Взорвавшись, я ударила по рулю, оглушая район пронзительным сигналом.

– Какого черта ты что-то мне предъявляешь?! Может, наорешь на своего отца, который живет на две семьи? Или предъявишь что-то своей матери, которая посчитала нужным рассказать все это дерьмо невестке, а не родному сыну? Что ты хочешь от меня?! Я беременна, я на взводе! Моя семья едва не разваливается, а я ко всему прочему должна заботиться о семье твоих родителей!

Слезы градом покатались по щекам.

Я снова дала им волю, позволила себе чувствовать, позволила себе плакать.

Изнутри трясло от обиды, боли и... страха.

Я боялась. Боялась за себя, за свое эмоциональное состояние, за ребенка. Боялась, что через двадцать лет буду на месте своей свекрови. Одинокой, разбитой, оставленной.

Борис молчал.

Тяжело дыша, он смотрел на безлюдную улицу через лобовое стекло автомобиля.

Я не ждала от мужчины каких-то слов, сказано было и так слишком много. Да он и не собирался ничего говорить...

Отстегнув ремень безопасности, он открыл свою дверь.

- Куда ты собрался? Борис?

Я вышла из машины следом за мужчиной в попытках докричаться до него.

- Сядь в машину и поедem домой. На улице жуткий холод!

- Поезжай одна. Я приеду завтра.

- Борис, не говори ерунды!

Я не успела договорить, потому что мужчина сделал шаг вперед, оказавшись в свете фар.

Он выглядел холодным, безразличным, неживым. На его лице не читалось ни единой эмоции.

- Поезжай домой, - ледяным голосом произнес он. - Так будет лучше.

Я хотела сказать что-то еще, но силуэт растворился в темноте. Оставалось только кричать в закрытой машине, насилуя собственные барабанные перепонки, и что есть мочи бить по рулю от переизбытка эмоций.

Глава 4

Таких эмоциональных ночей в моей жизни не было, пожалуй, никогда.

Я вернулась в дом ближе к полуночи. Одна. Совершенно разбитая и опустошенная.

Перед этим я исколесила всю Москву на два раза, лишь бы максимально оттянуть момент возвращения в пустые стены.

Я разбила телефон Галины Яковлевны, но та решительно мне не отвечала. Несколько раз звонила мужу.

Борис трубку брал, чтобы не волновать и без того взволнованную меня, но каждый раз сухо отвечал, что с ним все в порядке и что вернется он под утро.

Стоило бы задаться вопросом, где и с кем мой муж, но это почему-то волновало мало. Я была уверена, что он не станет изменять после произошедшего между нами. А если и станет... Какая к черту разница?

Я, возможно, ношу ребенка не от него, так что в нашей семье изменой больше, изменой меньше...

Отношения с мужем волновали меня сейчас в последнюю очередь.

– Маме нужно перестать нервничать, – я гладила ладонью плоский живот и разговаривала со своим отражением в зеркале, чтобы окончательно не сойти с ума от собственных мыслей. – Папа объявится завтра утром, а бабушка с дедушкой со всем разберутся сами.

С этими словами, запив таблетку успокоительного стаканом воды, прямо в вечернем платье я откинулась на заправленную кровать и устало прикрыла глаза.

В понедельник нельзя было быть слабой.

Я знала это, когда собиралась на работу, поэтому не позволила даже тени печали отразиться на своем лице.

Идеально отутюженный брючный костюм, белая блузка с атласным бантом на шее и лодочки на шестисантиметровой шпильке – я была как всегда превосходна.

За чашкой утреннего кофе с горячим бутербродом я листала публикации в прессе.

Статьи и фотографии там были одна краше другой и вызывали только улыбку.

Я не ожидала увидеть ничего другого, поэтому не слишком удивилась. То ли еще будет в прессе... Мне предстоит официальными заявлениями как-то утихомирить журналистов и попытаться создать идеальную картинку идеальной семьи.

– Идеальная семья, где жена, возможно, беременна от конкурента, муж пропадает на ночь, свекр живет на две семьи, а свекровь раскрывает карты со сцены в микрофон, – посмеялась я со своих мыслей. – Не семейка, а дурдом!

Я ехала до офиса, игнорируя все входящие звонки. Только проверяла, чтобы звонил не Борис, и отключала звук.

В голове была настоящая каша. Я не представляла, за что возьмусь, когда приеду в офис.

Полная неразбериха да еще и беременность, которая изрядно отвлекала, полностью подавляли профессионализм и опыт.

Хотелось спрятаться от всех проблем, кефира и посмотреть «Секс в большом городе».

Моя ассистентка была уже в работе. Я услышала громкое клацанье по клавиатуре, стоило выйти из лифта на этаже.

Параллельно с этим Настя громко ругала кого-то по телефону, заявляя, что, как только я появлюсь в офисе, точно порву на кусочки их второсортную газетенку.

Настоящий профессионал растет!

– Привет, – зайдя в приемную, я присела на подлокотник кожаного кресла и бросила усталый взгляд на девушку.

– Ольга Владимировна, – Настя встала и улыбнулась в ответ на мою улыбку.

– С чего начнем?

Я обвела взглядом бардак, который творился на рабочем столе девушки, а та пожала плечами. Судя по всему, Настя зашивалась не меньше моего. Во всей этой истории девчонку было действительно жалко.

– Может, выпьем кофе?

– Я принесу, – сказала, убирая шубу в шкаф. – Подбери пару адекватных статей и вызови кого-нибудь из журналистов. Тоже адекватных.

– Уже сделано, – очень просто ответила девчонка, откидывая назад кудряшки.

– Выпишу тебе премию. Штук пятнадцать, когда весь этот кошмар кончится!

За кофе со своей ассистенткой я смогла прийти в норму. Рассказала Насте историю изнутри, само собой умолчав о беременности, выслушала ее мнение со стороны, узнала что именно пишут в прессе.

Ситуация была критичной, но в целом вполне терпимой. При правильном подходе удастся отбелить репутацию холдинга.

Свекру придется труднее, но его честное имя защищать я не намерена. После всего, что он сделал Галине Яковлевне, я бы была готова даже заплатить, чтобы его еще кто-нибудь прилюдно смешал с грязью.

– Ольга Владимировна, это не моё дело, но...

– Не спрашивай о Корневе, Насть, – я с мольбой посмотрела на девушку, и та все поняла. – Ты сама поймешь, и я потом расскажу. Но немного позже.

– Хорошо. Как скажете. Главное, чтобы Вы были счастливы. Журналисты будут через несколько минут.

– Приглашай их сразу ко мне, – я выбросила картонные стаканчики, встала из-за стола и потянула уставшие мышцы. – Если будет звонить Борис, дай знать сразу,

это важно.

Настя согласно кивнула и удалилась в приемную.

По привычке я встала перед зеркальным шкафом в полный рост. Заправила волосы за уши жестом, который уже стал вредной привычкой, разгладила несуществующие складки на ткани и повернулась своей рабочей стороной к зеркалу.

Не знаю правда ли, что женщины расцветают при беременности.

Я не видела заметных изменений в своей внешности. Живот еще не увеличивался в размерах, кожа не потеряла привычного блеска, волосы были все такие же густые и ухоженные.

Казалось, ничего не отличало меня от прежней Оли. Разве что...

Я смотрела на себя как и прежде, но в глазах не загорался огонь. Хотелось ощущать восхищение, восторгаться собой, своим состоянием. Но мне это не удавалось...

Я имитировала улыбку, имитировала притворное счастье, убеждая всех вокруг, что очень счастлива. Но убедить себя не удавалось.

Я могла изобразить фальшивую улыбку, но фальшивый огонь в глазах зажечь было невозможно.

От этих мыслей я невольно обернулась в полоборота и позволила себе взглянуть на офисное здание через дорогу.

Окна кабинета Кирилла выходили на другую сторону, но я все равно стыдливо отводила взгляд всякий раз, когда, как мне казалось, он мог заметить, что я наблюдаю за ним.

- Какая ерунда, - сказала сама себе, опуская жалюзи на окна.

Отбросив мысли, я опустилась в свое офисное кресло в надежде на скорое появление журналистов.

Глупо было полагать, что пресса станет подбирать вопросы и выражения, так что я ничуть не смутилась, когда услышала вопросы в лоб о своем любовнике, любовнице мужа и выходке свекрови.

– Давайте по порядку, – лучезарно улыбаясь акулам пера, произнесла я.

– Ольга Владимировна, чем обусловлено воссоединение с мужем? Ни для кого не секрет, что у вас обоих были романы во время разрыва. Это был продуманный пиар-ход?

Я смотрела на женщину моих лет, одетую в стильную красную блузку, и едва держалась, чтобы не запустить в нее компьютерной мышью.

Она умудрилась в одном вопросе уместить все темы, которые я предпочла бы не затрагивать. При том она задела не только мою семью и личную жизнь, а еще и намекнула на то, что я могла так сделать ради рекламы компании!

– Не в наших правилах пиариться за счет личной жизни, ровно как и смешивать личную жизнь и рабочие вопросы. Все мы люди, у всех у нас есть чувства, эмоции. То, что произошло между нами с Борисом, останется между нами. Ни размолвка, ни воссоединением никоим образом не влияют на работу холдинга.

– А что Вы скажете насчет сотрудничества с Кириллом Корневым? Ваш роман окончен, но совместный проект будет в разработке еще несколько месяцев.

Я кивнула и улыбнулась. Молодой писатель озвучил вопрос, волнующий и меня тоже. И если ему я могла без стыда соврать, то себе ответить нужно было по совести.

– Я скажу ровно то же: мы профессионалы и не смешиваем личную жизнь и работу. Все, что происходит в жизни, происходит с людьми. Все происходящее на работе – взаимоотношения коллег, специалистов и сотрудников холдингов, но не людей, нет.

– Вы можете прокомментировать поступок Вашей свекрови?

– Это не в моей компетенции, – я отрицательно качнула головой. – Ничего из сказанного не относится к деятельности холдинга и является личным делом моих свекров или же личным делом самого Миролубова. Могу ручаться лишь за то, что у нас с отчетностью полный порядок.

Я удивлялась собственной выдержке.

Мне удавалось отвечать на вопросы журналистов совершенно спокойно и без колебаний. Я подбирала правильные слова, чтобы создать в прессе нужную мне сейчас картинку.

И, может быть, эти люди, которые пишут статьи не первый год, не верили мне и моим словам, но у них не было другого выхода.

Они напишут статьи с комментариями от меня, вставят цитаты и, даже если попробуют переиначить смысл сказанного, ничего у них не выйдет.

– Оль, я задержусь на пару минут? – после прощания с журналистами ко мне подошел Виталий Матросов, большой профессионал своего дела и мой давний знакомый.

Мужчина с завидной регулярностью брал у меня интервью и комментарии по работе холдинга. И хоть отношения между нами нельзя было назвать приятельскими, мы уважали друг друга как специалистов.

– Так понимаю, вопрос не рабочий?

– Отчасти, – мужчина опустился на диванчик, когда я предложила присесть, и удобно откинулся на спинку, будто был здесь на правах званого гостя. – Не в моём стиле лезть в чужую личную жизнь, но я лезть и не стану. Так, подкину тебе пищу для размышлений.

– Внимательно тебя слушаю.

– Хотел поговорить с Корневым, – от одного упоминания фамилии у меня мурашки по спине пронеслись, а ладошки стали влажными. – Связался с его помощницей, она аккуратно меня отшила. Но по своим связям узнал, что парнишка не выходит на связь с пятницы. Говорят, пьёт, не просыхая.

На душе стало тяжело от этих слов.

Эмоции встали комом в горле, и я поспешила отвернуться к окну, чтобы мужчина не прочитал все по моим глазам.

– Мы знакомы не первый день, Оль. Меня ты не проведешь своими сказками по типу «В жизни всякое бывает».

Я обернулась на Матросова, но ничего не ответила. Но он всё понял и без слов.

Осторожно приобняв за плечи, мужчина удалился из кабинета, оставив меня один на один со своими эмоциями.

Плакать не было сил.

Я только устало опустилась в кресло и немигающим взглядом уставилась на офисное здание напротив, где сейчас навряд ли можно было застать директора холдинга.

Мне и самой казалось, что с Кириллом что-то происходит.

Глупо, но как будто нутром я чувствовала его эмоции и переживания. Как будто было во мне что-то, что связывало нас единой нитью и синхронизировало.

Он переживал не меньше моего. И если у меня было ради чего держать лицо – семья, работа, обязательства – он мог позволить себе топить печаль в бокале.

– Это не мое дело, – тихо сказала я, разворачиваясь лицом к столу.

– Ольга Владимировна, к Вам посетитель, – в эту же секунду раздался звонкий голос моей помощницы.

- Не посетитель, а муж.

Я интуитивно подняла взгляд и столкнулась лицом к лицу с Борисом. Если быть точнее с букетом роскошных белых лилий, которые он мне принес.

- Шикарные цветы для шикарной женщины.

- Спасибо. Они такие красивые, - я вдохнула запах любимых лилий и расслабленно улыбнулась. - Настя, у нас найдется ваза?

- Для такого букета у нас есть только ведро, - в кабинете появилась девушка с пластиковой десятилитровой тарой в руках. - Давайте поставлю.

- На выходе столкнулся с Матросовым. Зачем он приходил?

- Я приглашала журналистов, - пока в кабинете Настя возилась с цветами, мы с Борисом делали вид, что ничего необычного между нами не произошло. Как будто сегодня мы не ночевали в разных кроватях разных домов. - Ты ревнуешь?

- В памяти еще свежи воспоминания, как он пытался отбить тебя у меня!

Я громко рассмеялась, вспоминая неурядицу, прошедшую много лет назад.

Тогда мы с Борисом еще не были женаты да и отношения не афишировали.

На одном из мероприятий я познакомилась с Матросовым, приглянулась ему и он решил пригласить меня на свидание прямо в присутствии Бори. После того случая мы и заявили открыто о своих отношениях.

- Это было десять лет назад, - отшутилась я. - Мы давно приятели.

- Знаю, знаю, - мужчина любовно приобнял меня со спины и поцеловал в макушку.

В этот момент Настя смущенно покинула кабинет, оставив на журнальном столике букет лилий в ведре с водой.

– Оль, прости за вчера. Я был не прав и очень жалею о своем поступке.

– Мне тоже есть за что извиниться. Ты имел право знать правду и я должна была тебе рассказать. Просто...

– Нам было не до этого, – Борис присел на против и крепко сжал мою руку в своей.

Я смотрела на его обеспокоенное лицо и почему-то чувствовала умиротворение. Как будто сейчас стало спокойнее. Появилось ощущение, что я не одна борюсь со всеми навалившимися проблемами.

Борис понимал меня и понимал с полуслова. И я всецело понимала его эмоции и не осуждала его за них.

Если бы я узнала подобное о своих родителях? Наверное, испытала бы не меньший шок.

– Создала мама нам проблем, конечно.

– Мама? По-моему, не она завела вторую семью в Европе и не она проводила деньги под прикрытием благотворительного фонда.

– Поступки отца не фигурировали в прессе и не отражались на деятельности холдинга.

– Ты его защищаешь? – я забрала свою руку из рук Бориса и с недоверием посмотрела на мужа.

Мы как будто снова заговорили на разных языках, снова смотрели на реальность через разные грани призмы.

– Нет, что ты! – Борис поспешил успокоить меня. – Мы с ним пока не говорили... Но жить на две семьи и отмывать деньги таким способом бесспорно гадко. Я говорю лишь о том, что папа беспокоился о репутации холдинга и скрывал темную сторону своей жизни. А мама? Да, ей больно и обидно. Как больно и обидно мне или тебе. Но кому она сделала лучше своим заявлением? Подорвала

репутацию семейного бизнеса, выставила папу полным дураком, из-за нее у тебя теперь проблемы с прессой.

Глядя на мужа, я неуверенно кивнула.

В его словах была доля правды.

Поверхностно все так и было. Ни одно действие Миролюбова старшего не привлекло к нам внимания и не создало проблем. А Галина Яковлевна в одночасье подняла такой шум, что разгрести его последствия придется еще не один месяц.

Но как можно выгораживать человека, который врал семье и незаконно присваивал себе чужие деньги, и обвинять ту, которая лишь поддалась эмоциям, собственной обиде.

– Мы со всем справимся, – Борис, неправильно расценив мое молчание, коснулся поцелуем тыльной стороны ладони и сжал мою руку в поддерживающем жесте. – Со всем разберемся, я тебе обещаю.

– Ты поговоришь с отцом?

– Он не выходит на связь. Дома тоже не появлялся. Уверен, он делает все, что в его силах, чтобы успокоить шум вокруг своей персоны. А мама?

– Не отвечает на мои звонки, – на автомате я в очередной раз проверила мобильный, но вестей от Галины Яковлевны не было. – Я переживаю за нее.

– Она взрослый человек. Уверен, что с ней все в порядке. Им обоим нужно выдохнуть и проанализировать происходящее холодным умом.

– Да, наверное, ты прав...

Борис крепче сжал мою руку, давая понять, что он рядом со мной и не оставит меня одну в этот трудный момент.

С ним действительно было проще.

Мой муж был надежным и честным человеком, за которым я ощущала себя как за каменной стеной. С ним было спокойно, комфортно, я могла на него положиться.

И сейчас было особенно важно знать, что рядом есть мужское плечо.

– Борь, что будет дальше? Я не понимаю... Я уже так устала!

– Милая моя, – мужчина потянул меня за руку, приглашая сесть к нему на колени. Осторожно я опустилась и оказалась в крепких родных объятиях. – Дальше будет счастливая и спокойная жизнь, я обещаю тебе. Родители взрослые люди, не думай за них. Их личная жизнь это их дело, она не повлияет ни на нашу семью, ни на работу холдинга. Тебе сейчас самое главное радоваться каждому моменту, жить спокойно и счастлива, крепко спать и вкусно кушать. Об остальном я позабочусь. Идёт?

– Идет, – я согласно кивнула, прижимаясь к мужу. – Люблю тебя.

– Я тоже невероятно сильно люблю тебя. Мне нужно ехать. Заскочил буквально на пару минут.

Отпускать мужа совсем не хотелось, но я понимала, что работа сама себя не сделает. Может быть, даже лучше, что мы не проводим все свое время друг с другом.

Поцеловав мужа на прощание, я поймала на себе какой-то странный взгляд Насти.

На мой немой вопрос девушка только пробормотала извинения себе под нос и потупила взгляд в погасший экран ноутбука.

Я не придавала этому значения и скрылась за дверью своего кабинета, чтобы поработать.

Пока я сидела за своим рабочим столом, просматривая громкие статьи в интернете и листая черновики моего интервью под редакцией различных издательств, в трех километрах по прямой от офиса происходило нечто

интересное.

В небезызвестной квартире одного небезызвестного дизайнера этот самый дизайнер распивал бутылку белого сухого вина напополам с моей свекровью.

- Я ненавижу его, - шипела Галина Яковлевна, опрокидывая бокал за бокалом.

- Это пройдет, - Кирилл сидел в кресле, скрестив ноги в позе лотоса, и беспечно крутил в руках алкоголь в бокале на высокой ножке.

- Ты ненавидел Олю после её поступка?

Мужчина молчал секунду. Но не потому что размышлял над вопросом, а потому что прокручивал в голове обрывки наших свиданий и диалогов.

Кто знает, что он вспоминал: первый неловкий поцелуй на кухне моего дома, страстную бачату в парке в последние теплые дни осени или поездки на машине, когда мы могли просто держаться за руки и болтать о чем угодно.

На его лице появилась едва заметная улыбка, поза стала расслабленнее, и будто бы ушло напряжение в теле.

- Мне не за что её ненавидеть. Это её жизнь, её выбор, её чувства.

- Её муж, - подлила масла в огонь Галина Яковлевна, доставая из сумочки небольшую бутылку водки.

- Вот Миролубова ненавижу. Он не заслужил эту женщину. Так мерзко и низко обойтись с ней!

- Полностью поддерживаю! Ненависть к Миролубовым это то, что нас с тобой объединяет, - женщина, ничуть не стесняясь, отпила крепкий алкоголь прямо из горлышка и даже не поморщилась.

- Один Миролубов Ваш муж, а второй - сын.

– От осинки не родятся апельсинки! Но Боря что-то мелко шагнул, всего лишь любовница! Чтобы перещеголять отца, ему нужно было гарем заводить.

Кирилл хмыкнул и улыбнулся.

Наверное, впервые с пятницы он улыбался и чувствовал себя немногим лучше, чем было до этого.

Появление на пороге его квартиры немного выпившей и заплаканной Галины Яковлевны наверняка ошарашило и даже шокировало. В тот момент он еще не знал о произошедшем на благотворительном вечере и никак не ожидал увидеть такую гостью.

Но кто бы мог подумать, что именно Галина Яковлевна выведет его из состояния непрекращающегося пьянства.

Появление женщины в квартире обязало его прийти в норму хотя бы для того, чтобы позволить Галине Яковлевне впасть в состояние непрекращающегося пьянства.

– Почему они так поступают? С Вами, с Олей... Мой отец никогда не изменял маме, и меня воспитывали так, чтобы я был честен с собой, был верен своему выбору.

– Звучит как тост, – Галина Яковлевна сделала большой глоток водки и закусила сыром, заботливо приготовленным хозяином квартиры. – Твои родители могут тобой гордиться, Кирилл. Я бы очень хотела, чтобы мой сын размышлял так же. Я воспитывала его таким!

– Борис... Он хороший человек. Отличный бизнесмен, лидер. Но как мужчина... – от переполняющей его злобы Кирилл смял тонкий журнал с напечатанной на первой полосе нашей с Борей фотографией. – Он не достоин Оли. Простите, он Ваш сын, я не должен такого говорить.

– Шила в мешке не утаишь. Они были счастливы когда-то, очень счастливы. Но их брак поглотили рутина и работа. Карьера, карьера, карьера и еще раз карьера! Даже их поездки носили рабочий характер, не говоря о том, что

выбирались они только на деловые встречи и благотворительные вечера. Стали партнерами по бизнесу, но перестали быть партнерами по жизни. Я видела, как у Оли горели глаза, когда в ее жизни был ты! Она как будто очнулась от многолетней спячки и снова вспомнила что значит жить.

– Не нужно, не сыпьте соль на рану, – мужчина горестно покачал головой, отложил в сторону злосчастный измятый журнал и отошел к окну. – Оля будет с мужем. Так будет правильнее всего. Они семья и должны сделать все, чтобы сохранить брак.

– То-то у тебя у самого развод за плечами.

В тот момент ход разговора резко переломился.

Кирилл повернулся и вопросительно изогнул бровь, но женщина даже не обратила на него внимания.

В ее голове родился план. Одурманенные алкоголем мысли выстроились в связную цепочку, цепочка скрутилась в клубок, и зажглась та самая лампочка, оповещающая о генерировании гениальной идеи.

Галина Яковлевна вдруг снова стала собой: уверенной женщиной, у которой в голове был план.

В ее глазах загорелся огонь, подогреваемый каким-то известным только ей источником. На лице появилась коварная улыбка, плечи расправились.

– Что за дурная идея сохранить брак, который трещит по швам? Оля бы не вернулась к мужу просто так, нет. На то есть причина.

– Вы что-то знаете? – Кирилл обернулся, встретившись глазами с коварным взглядом моей свекрови.

– Не знаю, но это ненадолго... Мы с тобой в одной лодке и преследуем одну цель. Ты же хочешь, чтобы Оля была счастлива? – мужчина кивнул. – Мы это устроим, обещаю.

– Я не стану лезть в семью.

– От тебя ничего и не потребуется. Я все сделаю сама!

– Может, попытаетесь сохранить свою семью? – Галина Яковлевна только злорадно рассмеялась и расслабленно откинулась на спинку дивана в гостиной.

– Я испытываю к мужу невероятную ненависть и желание отомстить за все причиненные мне страдания. В этом наша с тобой разница. А что ты испытываешь к Оле?

– Я? Я люблю её.

Такой ответ мою свекровь полностью устраивал. Глядя куда-то сквозь время и пространство, она коварно улыбалась, отпивая крепкий алкоголь из горла.

В ее мыслях раздался выстрел, ознаменовавший начало игры, правила которой были известны ей одной.

Глава 5

В ночь на вторник я не спала.

Не знаю, чем это было обусловлено.

Возможно, потому что Борис лежал со мной в одной постели и мирно посапывал. Вчера я не набралась смелости в очередной раз отправить его на диван. Просто не было повода.

Мы поужинали вместе после работы, поговорили на отвлеченные темы, послушали подкаст одного финансового аналитика, обсудили и отправились в спальню.

Логично было лечь в одну кровать под одно одеяло. Но уснуть я так и не смогла...

Возможно, виной тому еще и тот факт, что утром я должна была отправиться не на работу, а в медицинский центр, где меня поставили на учет по беременности.

– У тебя все в порядке? Какая-то нервная сегодня, – Борис положил мне на тарелку тост с маслом и абрикосовым джемом и обеспокоенно посмотрел прямо в глаза.

Я нарочно не смотрела на мужа, делая вид, что рассматриваю что-то интересное в окне столовой.

Взгляд нервно метался по сторонам, а глаза то и дело делались влажными от подступающих слез.

– Нервная? – я улыбнулась так непринужденно, как будто не понимала, о чем идет речь. – Тебе кажется. Нехорошо себя чувствую. Токсикоз уже утомил.

– Милая, я бы так хотел тебе помочь, – Борис поцеловал мою руку и тяжело вздохнул. – Когда ты пойдешь к врачу? Давай сходим вместе?

– Нет, нет! Там пока ничего важного. Нужно просто анализы сдать, тебе незачем присутствовать. Я схожу в конце недели одна.

При упоминании о посещении врача я так разволновалась, что сама не заметила, как начала врать, закапывая себя еще глубже.

Жесты стали нервными, ритмично я перебирала ногтями по деревянной столешнице не в силах сдерживать эмоции.

– Если будет необходимо моё участие, дай знать, пожалуйста. Я настаивать не буду, понимаю, что это может быть личным или не для мужских глаз.

Благодарно кивнув, я вернулась к завтраку, хоть есть сегодня вовсе не хотелось.

В клинику я добралась только к обеду из-за жутких пробок в столице.

Точнее говоря, мне пришлось ехать в самый центр, чтобы Борис ничего не заподозрил.

Из поселка мы выехали вместе, и наши машины следовали друг за другом. Если бы я свернула на трассе, чтобы быстрее добраться до клинику, муж бы заподозрил неладное.

Я не хотела говорить ему о сегодняшнем приеме. Я не знала что мне скажет врач и скажет ли вообще сегодня что-то конкретное. Зачем просто так волновать человека? Достаточно моего волнения.

Если еще и Борис начнет нервничать в ожидании результатов анализов и скрининга, наш дом точно вспыхнет от переизбытка эмоций на квадратный метр.

- Ольга Владимировна, добрый день. Как добрались?

- Нормально. Я же беременная, а не больная, - девушка за стойкой администратора учтиво улыбнулась и потупила взгляд.

- Конечно, конечно. Просто Ваш муж звонил доктору и консультировался насчет Вашего состояния... Я подумала, что дорога могла стать проблемой.

- Мой муж звонил? - я повернулась лицом к молодой девушке, которая сейчас растеряно хлопала глазами, видимо осознавая, что ляпнула что-то не то.

- Он... Борис Григорьевич консультировался с Константином Константиновичем касательно Вашего здоровья. Я просто догадалась о токсокозе... Сама два года назад этим страдала, все еще в страшных снах снится!

- Да, действительно, - комментарии девушки я пропустила мимо ушей.

Было удивительно слышать, что Борис решил связаться с моим врачом. Это очень трогательно.

Я видела заботу мужа, буквально осязала её всякий раз, когда он обнимал меня, касался еще не округлившегося живота, приносил плед, чтобы я не мерзла или предлагал сделать чай.

Но я и подумать не могла, что он беспокоится настолько, чтобы звонить моему гинекологу.

– Кристина Юрьевна уже ждет Вас, – администратор протянула мне несколько печатных листов и кивнула на дверь прямо по коридору.

– Да, спасибо.

Состояние шока несколько отступило, и я поспешила зайти в кабинет, чтобы не оттягивать момент истины.

Первым делом у меня взяли кровь на анализы.

Заботливая миловидная медсестра лет тридцати сделала все осторожно и безболезненно. За непринужденным разговором с ней я даже не заметила как все произошло.

– Можете разжимать руку, – спокойным голосом произнесла она. – Сидите, отдыхайте. Принести Вам чай?

– Нет, нет, спасибо, – я отрицательно качнула головой и удобнее расположилась в медицинском кресле.

За белым столом с идеально ровными стопками карточек пациенток сидела женщина в белом халате.

Мы успели с ней лишь поздороваться, но на каком-то энергетическом уровне она уже мне симпатизировала.

Сложно было определить ее возраст. Выглядела она не старше меня, но руки выдавали её немолодой возраст. В серьезном взгляде читались большой опыт и профессионализм в своем деле.

– Ну что Вы так волнуетесь, Ольга Владимировна? Расслабьтесь.

– Как будто Вы не знаете, почему я волнуюсь, – женщина с пониманием улыбнулась, отложила в сторону мою карточку и подошла ко мне, чтобы сесть на

кушетку справа. – Конечно, сейчас самое главное ребенок, его здоровье, правильное развитие. Но ведь чувства и эмоции не выбросишь из головы по одному велению.

– Не нужно ничего выбрасывать. Это Ваши чувства и Ваши эмоции, это настоящая Вы. Ребенок это чувствует, он точно такая же часть Вас. Просто относитесь к происходящему немного иначе. Посмотрите на все с другого угла.

– Вот Вы скажете мне срок в неделях, тогда я пойму с какого угла смотреть!

– Раздевайтесь, ложитесь, – Кристина Юрьевна по-доброму улыбнулась и указала мне на кушетку, которую она застелила одноразовой простышкой. – Что бы я сейчас не сказала, мамой ребенка являетесь Вы. И другой у него никогда не будет. Всегда помните, что ребенок это огромный дар и большая ответственность перед ним, перед самой собой.

Я кивнула и как будто бы даже на секунду успокоилась.

За весь прием от внутреннего волнения меня отвлекло только УЗИ. Увидев на экране размытую картинку с нечеткими очертаниями моей Крохи, я выбросила из головы абсолютно все глупые мысли.

Мокрыми глазами сквозь пелену слез я смотрела на черно-белые перемещения на мониторе и понимала, что всем сердцем люблю этот малюсенький комочек, который живет внутри меня.

Скоро Кристине Юрьевне пришли результаты анализов крови, и сейчас она сидела с полным набором данных, готовясь озвучить мне окончательное заключение.

– Ну что, мамочка, беременность протекает нормально. Все показатели в норме, немного витаминов не хватает, это мы с Вами исправим. В остальном поводов для волнений нет. Точный срок можно будет назвать только опираясь на все эти показатели в динамике, но... – женщина выдержала секундную паузу, чтобы снять очки, но эта секунда показалась мне вечностью. – Плоду сейчас не больше трех недель. Это точно.

Я интуитивно опустила ладонь на живот и почувствовала, как внутри что-то натянулось в тугую струну и лопнуло в одночасье.

Отцом ребенка был Кирилл.

– Ольга Владимировна, – видя мои эмоции или их отсутствие, женщина посчитала нужным вмешаться, но я лишь отрицательно качнула головой.

– Я в порядке, – заверила её, улыбаясь. – Ребенок здоров, о большем я и мечтать не могла.

– Вы правы, это самое главное. Я сейчас распишу курс витаминов, хорошо? Вам нужно немного времени побыть одной? Налить воды?

– Нет, нет, – я поднялась со стула и отошла к окну. – Все правда в порядке.

К моему удивлению, на душе стало легко и спокойно.

Ушло все напряжение, копившееся эти несколько дней. Возможно, мне не так уж важен был ответ на главный вопрос. Важнее было просто получить его и закончить это пребывание в неведении.

В конце концов, какая разница, кто отец этого ребенка? Кристина Юрьевна права. Я мама этого ребенка, а остальное дело десятое.

Сидя в удобном кресле в расслабленной позе впервые за долгое время я улыбалась и не думала обо всякой ерунде. Было так хорошо и спокойно на душе, что словами не передать.

– Здесь я записала свои контакты. Если есть жалобы, вопросы, что угодно – звоните и пишите в любое время дня и ночи.

– Спасибо большое Вам, – я приняла из рук врача рецепт на несколько страниц и искренне поблагодарила. – Как плотно у Вас расписана запись? Мне нужно заранее планировать следующий приём?

– Ольга Владимировна, без осмотра мы Вас не оставим. Насчет записи уточните у администратора. Если какие-то форс-мажоры, номер мой у Вас есть.

– Спасибо большое еще раз.

Спустя несколько часов я наконец покинула кабинет врача с облегчением на душе.

Работа ждала. Никто не решал за меня вопросы холдинга, и Настя справлялась не со всеми моими задачами. Стоило бы поехать в офис, но сейчас мне хотелось совершенно другого.

Выйдя из клиники на морозный воздух, такой чистый и свежий, мне очень захотелось перекусить где-нибудь, никуда не торопясь.

– Маме хочется жареных морских гребешков. Ты как, Малыш? – Кроха, конечно, никак не отреагировал, но я сочла молчание за согласие и села в машину, чтобы доехать до какого-нибудь вкусного ресторана.

Беременность, оказывается, в корне меняет восприятие реальности.

Я всегда думала, что если и буду носить ребенка, то в моей жизни ничего не изменится. Подсознание рисовало картинку стильной молодой мамочки, которая с прической, макияжем и на каблуках спешит с одной встречи на другую, а после едет в ресторан с подружками.

Как наивно...

Конечно, с наступлением беременности я не забыла о себе и работе, но в одночасье все вокруг изменилось.

Больше не хотелось спешить со встречи на встречу, я с большим удовольствием сидела в машине и смотрела на свой живот, которого еще не было видно.

Открывая шкаф с одеждой, я прежде всего думала не о цветовых сочетаниях а о комфорте ребенка. Откладывала в сторону туфли на каблуке, узкие юбки и слишком тугие блузки.

Жизнь не стала крутиться вокруг моего живота, но я определенно принимала во внимание тот факт, что не могу продолжать жить ровно так, как делала это раньше. Теперь необходимо учитывать требования пузожителя.

– Ваши гребешки с ягодным соусом. Приятного аппетита. Может быть, желаете что-то еще?

Вдыхая потрясающий аромат блюда от шефа, я косилась на молодого пронырливого официанта, который улыбался мне во все тридцать два зуба.

– Хочу что-нибудь шоколадное.

– Ммм... Могу предложить Вам наши авторские конфеты с бразильским орехом, прослойкой из соленой карамели и манговой начинкой.

– Что-то более шоколадное...

– У нас есть новая позиция в меню, это десерт «Три шоколада». Желаете попробовать?

– Принесите сразу два, пожалуйста, – парень улыбнулся еще шире, услужливо кивнул и быстро ретировался от моего столика в кухню.

Попытки оттянуть работу продолжались бесконечно долго.

После двух наивкуснейших десертов я решила отведать еще и фирменного морса, а потом снова проголодалась и заказала овощной салат.

В общем, обед плавно перетек в ранний ужин, и опомнилась я, когда продолжать пинать балду было уже просто неприлично.

Настя не звонила. Я тешила себя надеждами, что помощница справляется со срочными задачами, а значит у меня нет поводов для беспокойств.

Честное слово, я почти собралась с мыслями, чтобы поехать в офис. Даже открыла дверь машины, припаркованной недалеко от ресторана на площадке

рядом с бизнес-центром, как вдруг...

– Руслан, привет. Можно к тебе?

Ошарашенный муж подруги стоял у панорамного окна в своем кабинете и через опущенные жалюзи смотрел на улицу, параллельно разговаривая с кем-то по телефону.

– Юрий Петрович, давайте созвонимся с Вами завтра, хорошо? Всего доброго. Оля? Проходи, конечно, садись. Кофе будешь?

– Нет, нет, я только из ресторана.

Садясь в машину на парковке, я поняла, что в офисном здании в нескольких метрах от меня работает Руслан. Мы с Людой пару раз заезжали к нему, чтобы отдать какие-то бумаги, но, признаться честно, я едва вспомнила на каком этаже он работает.

Мы с мужчиной не были хорошими друзьями, так что в его офисе я не была частой гостьей. Но именно сегодня я поняла, что мне жизненно необходимо поговорить ни с кем иным как с Русланом.

– Я, конечно, рад тебя видеть, но... Зачем ты здесь?

– Поговорить с тобой. Это глупо, но мне кажется, что именно тебе я должна все рассказать. Ты должен понять.

– Насчет... – мужчина кивнул на мой живот, и я как бы в подтверждение его словам хлопнула ресницами. – Да, конечно. Подождешь минутку? Я попрошу Вику меня не беспокоить.

Мужчина вышел в приемную, где за большим столом сидела его неизменная помощница – круглолицая пышка Виктория, девушка с аналитическим складом ума, тремя высшими образованиями и полным отсутствием интереса к личной жизни.

Руслан вернулся через несколько минут с двумя чашками зеленого чая и тарелкой со свежей выпечкой.

– Угощайся. Прости, я просто только сейчас понял, что без обеда. Нужно перекусить.

– Приятного аппетита, – я притянула к себе чашку с ароматным чаем и обхватила ее двумя руками, чтобы ощутить тепло. – Я еду от врача.

– Я догадался. Отец ребенка не Борис, да?

На мгновение я подняла удивленный взгляд, но тут же потупила его и согласно кивнула едва заметно.

– Врач сказала, что нужно смотреть в динамике, но срок не больше трех недель. Борис не может быть отцом.

– С беременностью никаких проблем? Анализы в норме?

– Те, что сдала, в норме. Поводов для беспокойств нет, – Руслан закивал, как будто испытал облегчение.

Мужчина был дважды папой. Причем папой он был таким, что Люде и детям можно было только позавидовать.

Я знала, как он переживал за жену, когда та носила их второго ребенка и мучилась от жуткого токсикоза. Руслан лучше врачей знал какие показатели в анализах им нужно контролировать, следил, чтобы Люда пила все необходимые таблетки и витамины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/serebryakova_ekaterina/spasti-nel-zya-razvestis

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)